EINSTEIN ON WAR RESISTANCE

Appeal to Disarmament Conference Advised

A remarkable letter from Professor Albert Einstein was read at the conference of the War Resisters' International at Lyons. "Those who think the danger of war is past are living in a Fool's Paradise." runs the letter. "We have to face to-day a militarism far more powerful and destructive than that which brought the disaster of the Great War.

Professor Einstein, who declares that those who are now resisting conscription are the pioneers of a warless world, concludes by an appeal to all men and women to declare before the World Disarmament Conference meet, that they refuse to assist war or the preparation for war. He states that he has authorised the establishment of an "Einstein War Resisters' International Fund."

pton, Westcott Clark, Charles
e and Claud Allister.

ELHI MUNICIPALITY AND THE PRESS

Leakage of Confidential Proceedings

Delhi, Aug. 27.

important point regarding the eges of the Press was discussed e weekly meeting of the Delhi cipal Committee yesterday. Lala pershad, Junior Vice-President, ght to the notice of the President a local vernacular newspaper had shed an account of certain pro- ngs of the Education Sub-Com- e, relating to the Sanatan ma Orphanage, which was con- tial. He urged that the press re- ntative concerned should be made ologise.

la Shriram, supporting the resolu- wanted the previleges of the men concerned should be with- n if he failed to apologise. He that inquiries should also be e from the paper as to the source heir information.

RICHARD F. HOYT, 46, FINANCIER, IS DEAD

Banker and Sportsman Was Speedboat Enthusiast and Aviation Promoter.

WON NOTED RACE PRIZES

Backer of Lindbergh, Byrd and Chamberlin Air Ventures— Had South American Holdings.

Times Wide World Photo.
RICHARD F. HOYT.

Richard Farnsworth Hoyt, banker and sportsman, died early yesterday morning at the Doctors Hospital, East End Avenue and Eighty-seventh Street, after an illness of two weeks. He was in his forty-seventh year.

Born at Revere, Mass., on July 3, 1888, son of Charles C. Hoyt and Emma Farnsworth Hoyt, he prepared for college at the Volkmann School and was graduated from Harvard in 1910.

Mr. Hoyt at once began a career of finance and banking and at his death his interests covered a wide range both in this country and Latin America. Soon after leaving college he joined the firm of Hayden, Stone & Co. as a clerk and rose rapidly. He was taken into partnership in 1919. He resigned, after the passage of the Securities Act, in October, 1933, to become vice president of the Haystone Securities Corporation.

He was one of the pioneers in the development of the great aviation companies of the country, including both manufacturing and transport corporations. Steamships, sugar, cement, railroads and sporting ventures commanded his interest and abilities both as a financial backer and in administrative and executive capacities. At his death he was a director or an executive in more than seventy companies and corporations.

In spite of his unusually active business life Mr. Hoyt found time to devote to sports and with equal success. His record for the round trip in a speed boat between New York and Albany still stands. He was an accomplished yachtsman and a skilful airplane pilot. His interest in sports brought him into contact with George L. (Tex) Rickard and it was largely through his enterprise and financial backing that the new Madison Square Garden was built at Fiftieth Street and Eighth Avenue. For a time he was a trustee and vice president of the corporation which owned and operated it.

Mr. Hoyt's interest in aeronautics began before the World War. At the beginning of the war he was called by the government to become civilian assistant and adviser to Colonel J. G. Vincent at McCook Field, Dayton, where the government located headquarters of its war aircraft and motor development program. Directly after the war he became secretary and assistant to the president of the Wright-Martin Aircraft Corporation, and when that company was succeeded by the present Wright Aeronautical Corporation he continued his connection with it and became chairman of the board of directors.

Led in Airplane Commuting.

The company eventually concentrated on the manufacture of aircraft engines and in addition built many power plants for motor and speed boats, in the development of which Mr. Hoyt played an important part. As with the powered boats, he took an active and personal part in aircraft development. He was one of the first business men to use an airplane for commuting and fifteen years ago began to commute in a flying boat between his Wall Street office and his Summer home at Marion, Mass. In August, 1924, he narrowly escaped death on one of these trips when he was rescued from a sinking seaplane off Block Island. He actively sponsored air-commuting service to Long Island and Martha's Vineyard from the Wall Street Sky Port last Summer.

About ten years ago, although actively concerned in steamship, sugar and other interests in the West Indies and South America, Mr. Hoyt joined with other business men in an effort to obtain Governors Island as an airport for New York. He was made chairman of that committee. Although they did not succeed in then obtaining an airport close to the city and the committee disbanded, what he failed to do as a public undertaking he succeeded in doing in his capacity as an aeronautical executive in later years. As a director of Curtiss-Wright Air Terminals, Inc., subsidiary of the Curtiss-Wright Corporation, of which he was chairman at his death, he was active in the building of Glenn Curtiss Airport at North Beach, Queens, now under lease to the city.

Also in 1925 he became one of the backers of the Richard E. Byrd expedition by air to the North Pole. Mr. Hoyt felt that public interest in aviation could be stirred by dramatic air achievements, and largely at his instigation the Wright Aeronautical Corporation lent its aid in providing motors at cost or less for various flights, among them, in 1927, the Byrd transatlantic flight, the flight of Colonel Charles A. Lindbergh to Paris and Clarence Chamberlin's flight to Germany.

The widespread aviation boom and the immediate public interest in aviation in this country following those flights of 1927 resulted in the rapid expansion of United States air lines to a point where this country led the world in air transport. In this expansion his contemporaries regard Mr. Hoyt's part as most important.

In 1928 and the next year he engaged in the formation and merging of many aeronautical companies. With other financial interests he joined in the formation of Pan American Airways, the international air line which now serves thirty-three countries and colonies with more than 32,000 miles of airways. Transcontinental Air Transport, the first passenger line across the country, was financed in part by the banking house in which he was a partner.

Merged Curtiss-Wright Plants.

In 1929 he brought about the merging of the Curtiss Aeroplane and Motor Company and its subsidiaries with the Wright Aeronautical Corporation, at the time the biggest aeronautical company in point of financial responsibilities in the country.

In addition to being chairman of the board of the Curtiss-Wright Corporation and a director of its subsidiaries, Mr. Hoyt was a member of the executive committee of the Atlantic, Gulf and West Indies Steamship Lines, chairman of the boards of the International Cement Corporation, of the Punta Alegre Sugar Corporation and of the National Aviation Corporation and president of the Haystone Securities Corporation.

His directorships included The Aeronautical Chamber of Commerce, Adams Express Company, Bendix Aviation Corporation, Best & Co., Century Ribbon Mills, Inc., Clyde-Mallory Lines, Colombia Syndicate, Cuban Portland Cement Corporation, Fox Film Corporation, International Portland Cement Company, Kansas City Southern Railway, Lone Star Cement Company, and subsidiaries, Mack Trucks, New York and Cuba Mail Steamship Company, Pan American Airways Corporation and subsidiaries, New York & Miami Steamship Company, New York and Porto Rico Steamship Company, Skouras Theatres Corporation, Southern Steamship Company, Thompson-Starrett Company, Inc., United Dry Docks, Inc., and Wilmington Terminal Corporation.

Mr. Hoyt was president of the board of trustees of Tabor Academy at Marion, Mass.

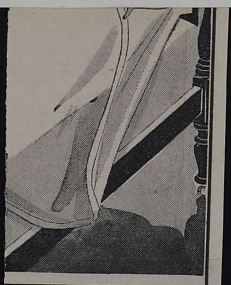
It was on May 20, 1925, that he drove his speed boat, Teaser, from the Columbia Yacht Club, Eighty-sixth Street and the Hudson River, to Albany in 2 hours 40 minutes. The same day he made the return trip in 3 hours 7 minutes, beating the round-trip time of the Twentieth Century Limited, a record that still stands. In August, 1929, he won the Gold Cup with his Imp II at Red Bank, N. J., later winning the President's Cup race on the Potomac with the same boat.

The next year, with the Hotsy Totsy, he again won the Gold Cup, following that up by capturing the first running of the National Sweepstakes the next day. Both events were run on the Shrewsbury River at Red Bank, N. J.

On Sept. 5, 1911, Mr. Hoyt married Miss Katharine Stone, daughter of Galen L. Stone, a founder of the Hayden-Stone Company. On May 4, 1931, she divorced him in Reno. On June 29 of that year he married Mrs. Martha Nicholson Doubleday, divorced wife of Nelson Doubleday, president of Doubleday, Doran & Co., publishers.

Mr. Hoyt leaves his widow and four children of his first marriage; Mrs. A. Felix du Pont Jr., the Misses Virginia and Constance Hoyt and Galen Stone Hoyt.

His clubs included the New York Yacht, Harvard, Creek, Hangar, Aviation Country of Long Island, City Midday and the Madison Square Garden Club, of which he was president. He resided until a few years ago at Port Washington, L. I. Recently he had lived at 206 East Sixty-fifth Street. The funeral will be held there on Saturday morning at 11 o'clock.



Wanamaker

Beater Type

Cleaner

Attachments

.95

0 grade

-use machine that is a
vife...guaranteed for two

on payment

Hand Model

95

0 grade

tered furniture and
ult corners...light
handle.

SECOND FLOOR,
UILDING

EINSTEIN ALTERS HIS PACIFIST VIEWS

Advises the Belgians to Arm Themselves Against the Threat of Germany.

DENIES REVERSING STAND

Scientist Still Hopes for Time When It May Be Wise to Refuse Army Service.

Wireless to THE NEW YORK TIMES.

BRUSSELS, Sept. 9.—Professor Albert Einstein in a letter to a Belgian pacifist, Alfred Nahon, published in today's Patrie Humaine, abandons his previously uncompromising attitude toward war and urges Belgians to prepare against the Hitlerite menace.

This declaration, which created a profound surprise here in view of the scientist's well-known views on militarism, came in answer to a letter from M. Nahon asking Professor Einstein for his opinion on Dieu and Campon, two conscientious objectors who are now on a hunger strike in prison.

"You will be astonished at what I am going to tell you," Professor Einstein wrote. "A little while ago one could have hoped to fight militarism in Europe successfully by individually refusing to serve in the army.

"But today we are in the presence of entirely different circumstances. There is in the centre a State (Germany) which publicly is preparing for war by every means. Under these conditions some countries, particularly France and Belgium, find themselves in very great danger, and they can only count upon their own preparation.

"So far as Belgium in particular is concerned, it is obvious this little country will not abuse its preparation and that it has the greatest need of it in order to safeguard its existence. Imagine Belgium occupied by present-day Germany! It would doubtless be even worse than in 1914, although at that time the occupation was terrible.

"That is why I tell you frankly, If I were a Belgian I would not refuse military service under the present circumstances, but I would, on the contrary, accept it with a clear conscience with the sentiment of a contribution toward securing European civilization.'

"This does not mean I renounce my previous opinions. I do nothing more than to see the moment come when refusal of military service will be the means for an efficacious struggle for the progress of humanity."

Special to THE NEW YORK TIMES.

LONDON, Sept. 9.—Professor Einstein, who was reported to be in fear of his life because a Nazi faction had put a price on his head, arrived in London tonight as the guest of Commander Oliver Locker-Lampson. Dr. Einstein was greatly perturbed, not on account of the alleged threat to his life, but because he had lost two valuable mathematical books on his journey from Belgium. He proposes to stay in England a fortnight.

A Sunday Express correspondent who accompanied Professor Einstein from his villa at Coq sur Mer relates that Frau Einstein was in a state of terror.

"It is that brown book that has caused all the trouble," she exclaimed.

Professor Einstein then said: "My name appeared in the French and English editions as if I had written it. That is untrue. I did not write a word of it. The fact that I did not write it does not matter and the truth has a certain importance. I was on the committee which authorized the book, but I certainly did not write any of it, although I agree with the spirit of it.

"The cause of all this is that the régime in Germany is one of revenge, and I happen to be chosen as one to be victimized. All right."

"Safety," he continued, "is impossible here. I can see that. Detectives sleep on the stairs, there are Secret Service men in the grounds, and my wife is terribly worried."

After further pressure from Frau Einstein, The Express correspondent says, he telephoned to Professor Einstein's "loyal friend" (presumably Commander Locker-Lampson) in England, who had previously sent the invitation to the scientist.

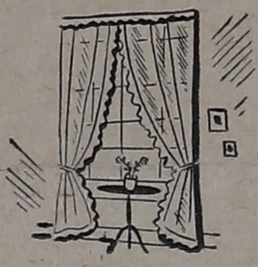
Later, en route, Professor Einstein is reported to have said: "Some wonder how it is that Hitler achieved the leadership. He has something which appeals to the crowds. What it is I cannot say. He is not intelligent.

"As for the Jews, I am afraid they must have nationality for the moment but no country. They must organize to help themselves."

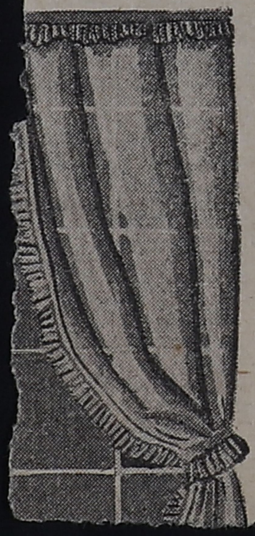
NG BETTER IN SEPT

Replacer

For the p
the house
around to
now is the
up. We'r
values, in
the month



ost. Seven
Sixth Floor.



Many

THE BATTLE OF THE CHESS GIANTS

By

"EN PASSANT"

THE SUNDAY STATESMAN,

MAY 6, 1934.

THE first half of the match for the Chess championship of the world between Dr. Alexander Alekhine and E. D. Bogoljubow is nearing completion The maximum number of games to be played is 30, and the first player who obtains 15½ points will be the winner.

At the moment Dr. Alekhine is in the lead, but this will not discourage his great opponent, who as Richard Reti has pointed out "is a man of moods, apt to overrun all his adversaries when he is in the proper frame of mind."

In the last match for the world's title between Alekhine and Bogoljubow, in 1929, the challenger put up a splendid fight, and it was clear from the beginning that Bogoljubow had something more than a sporting chance of wresting the title from the holder.

Dr. Alekhine was born in Moscow on October 19, 1892. He has had a most varied career. At the age of sixteen he acquired the rank of master by winning first prize in the All Russian Major Tournament at St. Petersberg, and it was soon apparent that a new chess star had arisen. In 1912 he won the Stockholm tournament, and in 1913 the Schvenningen tournament. In 1914 he was competing in the Manheim tournament at the outbreak of war, and was interned with other Russian competitors (Bogoljubow was one of them) in Germany. Shortly after he escaped to Russia, and took part in the War in the Army Medical Corps. He left Russia in 1917, when the revolution broke out, together with his charming wife, who is the widow of a Russian Admiral, and has since made Paris his permanent domicile.

Alekhine's Record

Dr. Alekhine's achievements in international tournaments have eclipsed those of all other chess masters. His principal successes in tournaments since the war have been: Moscow 1920; Triberg, Budapest and The Hague 1921; Hastings 1922; Carlsbad 1923; Paris, Berne and Baden Baden 1925; Hastings and Scarborough 1926. In 1927 the long-awaited match for the world's title between him and Senor Capablanca took place in Buenos Aires under the auspices of the Club Agentino de Ajedrez. It was a long-drawn-out affair, lasting for nearly three months and extending to 34 games. Capablanca had long been regarded as invincible, and according to Dr. Max Euwe "most of the European masters and chess journalists were prepared to wager 10 to 1 on Capablanca's chances of winning. When after the 29th match-game Capablanca reduced Alekhine's lead from 4—2 to 4—3, a German writer sarcastically advised Alekhine to find an excuse for retiring there and then. He even went so far as to suggest that the retirement from the match should in no case be deferred longer than after the 4—4 stage would be reached. His column appeared in print the same day as the great news of Alekhine's definite victory reached the Continent." It was on the 29th November, 1927 that Dr. Alekhine became world champion, by winning the match against Capablanca by 6 games to 3 with 25 drawn games.

Since winning the world's title Dr. Alekhine has taken part in ten major tournaments, and his percentage record shows that he is in a class by himself. He won first prize at Bradley Beach in 1929, winning 8 games and drawing 1; he won first prize at San Remo in 1930, winning 13 games and drawing 2; in the same year he won all the 9 games played in the international team tournament at Hamburg; in the following year he won 10 lost 1 and drew 7 games in the international team tournament at Prague; he won first prize at Bled in 1931, winning 15 and drawing 11 games; in the same year he won first prize at London, winning 7 and drawing 4 games; he won first prize at Berne in 1932, winning 11 losing 1 (to Bogoljubow) and drawing 3 games; he won first prize at Pasedena in 1932, winning 7, losing 1 and drawing 3 games; he shared first prize with I. Kashdan at Mexico City in 1933 winning 8 games and drawing 1; and in the same year he missed the first place at Hastings to Salo Flohr, winning 4 and drawing 5 games. It will be seen from this analysis that he has lost only 3 out of 132 games played, that is 110½ points, out of a possible 132, which makes his winning percentage 83.7. In seven out of the ten tournaments he did not lose a single game. It is this marvellous consistency which marks his superiority over every other player of the day.

Dr. Alekhine holds the world's record for blindfold chess. In Paris in 1925 he played 28 games simultaneously without sight of the board, winning 22, drawing 3 and losing 3 games. At the World's Fair in Chicago last year he beat his own record, playing 32 games simultaneously blindfold, winning 19, drawing 9 and losing 4 games.

Dr. Alekhine proposes making another world's tour. In a recent broadcast arranged in Holland in connexion with the 25 years' jubilee of Dr. Alekhine as a chess master he announced that at the end of summer he will begin a tour of India and Australia. He has promised to play in the Melbourne tournament which begins on December 26. Speaking of the younger generation he said that Dr. Max Euwe, Salo Flohr and Isaac Kashdan are the great masters of the future. It is stated that Dr. Max Euwe who is backed by the Dutch Chess Federation has already issued a challenge to the holder.— E. R.

[A sketch of E. D. Bogoljubow's career will appear next Sunday.]

Statesman

CHESS

Sunda May 20 1934

[By EN PASSANT.]

THE CHAMPIONSHIP MATCH

Dr. Alekhine is still leading in the return match with E. D. Bogoljubow for the championship of the world, which began at Baden Baden on April 1. After Dr. Alekhine's indifferent performance at the tournament in Hastings, when he drew five out of the nine games played, and ended second to Salo Flohr, it was said that the champion, who had recently completed a world's tour, was 'tired.' The chess world awaited with much interest the result of the first few games, to see how far the champion had lost form. The first three games of the match were played at Baden Baden. In the first game Bogoljubow with the white pieces played a *Queen's Gambit*. There was an exchange of Queens leading to a Rook ending in which Bogoljubow was a pawn to the good, but he got in difficulties with the clock, and a draw was agreed after 65 moves.

In the second game, Bogoljubow started to make things lively with a King's side attack, but the champion with a well-timed pawn sacrifice made a counter-attack on the Queen's wing, and after some clever and forceful play, won in 37 moves. In the third game Bogoljubow played a *Queen's Gambit* which Dr. Alekhine accepted, setting up an unusual defence, which gave him a slight positional advantage, but not enough to win, and the game was drawn in 27 moves. In the fourth game, a *Queen's Gambit Declined*, played at Villengen, Dr. Alekhine made a strong King's side attack and won in 61 moves. In the fifth game also played at Villengen Dr. Alekhine missed a winning chance, and the game was drawn in 51 moves. The sixth, seventh and eighth games played at Freiburg Im Breisgau, were all drawn. The last of the three created a sensation; after the Queens were exchanged a Rook ending resulted, and Bogoljubow repeatedly missed winning chances. The ninth, tenth and eleventh games were played at Stuttgart, the first two were drawn, and the third won by Dr. Alekhine in 61 moves.

SEATTLE (paper)

1934. April 26, 1934

KRISHNAMURTI TAKING REST

HOLLYWOOD, April 25.—(Universal Service)—Jeddu Krishnamurti, once hailed as "the second Messiah" and now a penniless philosopher of his own volition, was resting at the home of friends here, following his arrival yesterday from Australia.

After a few days in the film village—a disinterested spectator on the sidelines—Krishnamurti will go to his ranch shack at Ojai on the desert where, for several weeks, he plans to "lose" himself "in the calm of prayer and meditation" before embarking on a lecture tour.

6

...e McCollu...
...ercome by the smoke. The Sch...
had just opened the home for the Summer.

Basil O'Connor Improved

Basil O'Connor, who was Franklin D. Roosevelt's law partner from 1925 to 1933, is recovering from pneumonia at New York Hospital, to which he was taken on April 24, it was reported yesterday. Mr. O'Connor is 44 years old and lives at 1,220 Park Avenue. He has been practicing law under his own name since his partner became President.

He [illegible] me?

of
han
Fift
elect
yeste
touch
in the
Stephe
was st
tom of

СРЕДА, 6-го ФЕВРАЛЯ 1935 ГОДА № 34 Новости Дня

ДУХОВНАЯ СТРАНИЦА.

„Данный Россіи Воевода".

В толщах русскаго народа имѣется сказаніе о святом Сергіи Радонежском. Народ говорит. что «дано преподобному Сергію трижды спасти землю русскую. Перое при князѣ Димитріи Ивановичѣ, второе — при Мининѣ, а третье теперь»...

И не потому ли сейчас в наши дни, в разных мѣстах русскаго разсѣянія, вспыхивают духовныя искры, связанные с этим благим именем, начиная с Сергіевскаго подворья в Парижѣ, Сергіевской часовни в Ньюіоркѣ и кончая обществами, содружествами, очагами и ячейками, посвященными святому Сергію в разных углах міра.

И вот совсѣм недавно нам пришлось прочитать в русских газетах, издающихся в Америкѣ, об организаціи там общества имени преподобнаго Сергія.

Знает русскій народ, вмѣстѣ с молитвами Христу Спасу, устремленное свое упованіе к великому представителю и молитвеннику русскому преподобному Сергію Радонежскому. Акафист ему начинается с многозначительным обращеніем:

— «Данный Россіи Воевода».

А в словословіи преподобному он называется «воином Христовым». Таковы озаренные свѣтом духовной прозорливости опредѣленія, сложенныя высокими іерархами Православной Церкви.

... «И ежи содѣлышися на Руси»... пишет лѣтописец Смутнаго Времени и далѣе указывает на чудесную защиту Троицка-Сергіевской Лавры от войск поляков, и воров под начальством Сапѣги.

Ночью во время очередного приступа вражьих войск многіе из защитников Лавры видѣли «сѣдого старца», обходившаго стѣны и окроплявшаго их святой водой. С криком «святой Сергій» бросились защитники Лавры на атакующих и очередное нападеніе было отбито, послѣ чего враги сняли свою осаду и ушли.

Жизнеописанія преподобнаго Сергія говорят о многих знаменательных его чудесах и чудеса эти сіяли не только при жизни подвижника, но и послѣ его отхода теченіи всѣх вѣков исторической жизни русскаго народа и до сего дня.

— «Данный Россіи Воевода... Воин Христов» поет ему вѣковая скорбь Святой Руси.

Высокій воспитатель русскаго народнаго духа, истинный подвижник Православія, воевода за правду и строительство, преподобный Сергій Радонежскій является крѣпким прибѣжищем русскаго народа во все трудныя годины и часы нашей многострадальной земли.

В самые страшные моменты русской исторіи, когда как казалось уже бил «двѣнадцатый час» нашего историческаго бытія, чудесное заступничество преподобнаго спасало наш народ.

Вспомним исторію борьбы Димитрія Донского, на котором было благословеніе преподобнаго Сергія, и который был осіян его творческим и дерзновенным духом. Благословив меч князя Димитрія святой Сергій благословил весь русский народ на борьбу за свое національное бытіе, за свою русскую сущность!

Вспомним также времена смутнаго времени, когда настойчивыя и повторные видѣнія преподбнаго, начиная с патріарха Гермогена, и кончая простыми русскими людьми и посадскому мѣщанину Минину, вывели их на великое служеніе своей странѣ. Всѣ великіе акты совершались под знаменем преподобнаго.

Так и теперь, в нашу эпоху разгула темных сил, снова «Данный Россіи Воевода» выступит на защиту поруганных алтарей Церкви Христовой и испывающій испытаніе Господа Бога русскій народ. Все как будто насыщено и связано этим благим именем. И не просто по этому создаются во всѣх вѣсях нашего разсѣянія духовные очаги имени святого Сергія.

Но, не скроем также от себя, что именно сейчас темныя силы особенно ополчаются против священнаго русскаго имени святого Сергія. Гдѣ прямым нападеніем, гдѣ в очень хитросплетеных косвенных шептаніях темныя силы пытаются воспрепятствовать несомнѣнно нарастающему почитанію имени святого Сеагія и связанным с этим духовным движеніем. В самых неожиданных концах мірима духовнаго вождя русскаго народа вспыхивает мощно. Вѣдь не только соображеніем разума, но вѣдѣніем сердца знает русскій народ чему приходят сроки. И, конечно, никакой холод никакія отрицанія, никакая затхлость не может преградить путь высокаго Свѣта.

Движеніе во имя п преподобнаго Сергія нарастает. Оно захватывает все больше и больше русских сердец и если люди хотят собраться во имя добра и борьбы за правду жизни, почитая имя великаго Святильника земли русской то даже самое сердце и то не сможет препятствовать этому несенію блага.

Вѣдь есть гдѣ то за предѣлами газетных потоков и рѣчей, мерцающій свѣт истины, чистых духовных устремлѣній.

И может быть, кто то совсѣм неожиданный услышитсей свѣтлый сердечный зов и гдѣ то новое сердце затрепещет от прикосновенія слов истины.

А с далеких просторов нашей замли-приходят свѣтлыя вѣсти о многих явленіях преподобнаго. Народ не только знает, не только почитает, но и понимает всю срочность происходящаго.

И закончим мы так:

«Преподобный Сергій, свѣтлый Воевода земли русской моли Бога о нас! Отче Сергій дивный, с тобой идем, с тобой и побѣдим..!»

С. Зенкевич.

Совѣт Об'единенной Русской Организаціи г. Шанхая

УНИВЕРСАЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ

А. М. ПѢТУХОВЪ и Сын

Перешла в новое помѣщеніе

244 Рут Валлон 244

Астрид апартмент

Полный ремонт квартир

Малярныя, столярныя, токарныя (по дереву) работы.

Ремонт и изготовленіе новой мягкой

Мебели.

Художественная отдѣлка салонов, театров ресторанов кафе.

ВСЕВОЗМОЖНЫЯ

ВЫВѢСКИ, ПЛАКАТЫ И РЕКЛАМЫ.

Надписи на стеклах

При мастерской магазин красок и электрических принадлежностей.

ЦѢНЫ МИНИМАЛЬНЫЯ 1844

Водочно-Ликерный, Квасоваренный и Минеральных Вод

ЗАВОДЫ **А. В. ЛАСЬКОВА**

62, Рут Фрелюпт. Тел. 70691.

Предлагает вниманію своих уважаемых потребителей

лучшую в городѣ водку **„Кристалл"**

приготовленную на безпрерывно дѣйствующем аппаратѣ системы «Саваль» из лучшаго харбинскаго хлѣбнаго спирта.

От водки „Кристалл" никогда не болит голова, так как в ней нѣт никаких вредных химических примѣсей.

ВНИМАНІЮ ЗНАТОКОВ ПРЕДЛАГАЕТСЯ ТОЛЬКО ЧТО ВЫПУЩЕННАЯ НАМИ НАСТОЯЩАЯ З У Б Р О В К А

ПРИГОТОВЛЕННАЯ НА НАСТОЯЩЕЙ ЗУБРОВНОЙ ТРАВѢ.

————: о :————

Любителям недорогих, но хороших и выдержанных вин, мы можем предложить собственнаго разлива слѣдующія вина :

КРАСНЫЯ ВИНА (СЛАДКІЯ)

— Церковное, Кагор, Портвейн, Черри Бренди. —

БѢЛЫЯ ВИНА—Грав.

КИ: Ром, Джин, Виски, Пепермент и пр.

————»о«————

…як, Джинджер Эль, Клюквенное ситро и разные фруктовые квасы.

…напитков и розлив вин производится под …СЬКОВА.

…УПОРКА ПРОИЗВОДЯТСЯ …АМИ.

…ИПЯЧЕНОЙ ВОДЪ И

…ресс"

STATESMAN

SRI RAMKRISHNA

11.3.36

100TH ANNIVERSARY OF BIRTH CELEBRATED

NEW YORK, Mar. 9.

As part of the world-wide observance of the hundredth anniversary of the birth of Sri Ramkrishna, "Prophet of Harmony of Religions' a celebration was held in the New York Town Hall on Sunday evening under the auspices of the Ramkrishna-Vivekananda Centre. Among the speakers were Dr. Frederick Robinson, President of the College of the City of New York; the Rev. Samuel Goldenson, Rabbi of the Temple of Emanuel; the Rev. Wendell Phillips, Rector of Trinity Church; New Rochelle; Dr. Ananda Coomaraswamy; Curator of the Boston Museum, Indian Section; Mr. Dhan Gopal Mukherji, Hindu lecturer and author; Swami Nikhilananda, leader of the Ramkrishna-Vivekananda Centre.

ENGAGED

SIND EXCAVATION DISCOVERIES

MINOAN INFLUENCE

A SUCCESSFUL SEASON'S WORK

EVIDENCE of occupations still earlier than that of the Indus Valley culture, as seen at Mohenjo-daro, was found during recent excavations at Chanhu-daro in the Nawabshah district of Sind. The excavations were conducted by the expedition organized by Prof. Norman Brown, President of the American School of Indic and Iranian Studies, in conjunction with the Boston Museum of Fine Arts.

Dr. E. Mackay, who was in charge of the operations, is now in Delhi and in an interview with the *Statesman* he outlined briefly some of the results of a very successful season's work. It is hoped that a more detailed account of the excavations will be made available later.

The largest mound of the three sites that of the Chanhu-daro, has been examined and removed, stratum by stratum, to a depth of some 14 feet, in which were found the remains of three occupations, two of which belonged to the Indus Valley culture as seen at Mohenjo-daro. In addition, a large pit sunk some 26 feet further—right down to the water-level in the soil—shows evidence in its walls of some three still earlier occupations and of more than one disastrous flood. The people of Chanhu-daro, like those of Ur and Mohenjo-daro, were from time to time driven to forsake their homes by the vagaries of the river beside which they lived.

PECULIAR PAINTED POTTERY

A notable feature of the site is that the people of the topmost stratum made a peculiar kind of painted pottery that shows little or no relationship to that of the Indus Valley culture in the occupations below. This pottery which is painted in both bichrome and polychrome is already known to the Archæological Survey of India at other sites in Sind and Baluchistan, but not in great profusion. Associated with it were found numbers of roughly-made pottery seals, quite unlike the finished and artistic products of the seal-makers of the Indus Valey culture, with their delicately incised animals and pictographic signs. These new found seals bear only quite simple incised devices, which are, nonetheless, of great interest and value from the cultural point of view.

The Indus Valley levels of the principal mound show the same elaborate methods of drainage as at the other cities of that culture. They have also yielded a surprising amount of copper objects for such a comparatively small site, and it is evident that the metal was easily procurable and largely worked in this part of India round about 2500 B.C.

A remarkable discovery was the bronze model of a small vehicle, with wheels complete and the driver seated in it holding a whip. Unfortunately the animals which drew this two-wheeled conveyance were missing, but there is every reason to think that they were humped oxen, for pottery models of oxen are found in large numbers together with little pottery cart-frames similar in design to that of the ox-cart used to-day in most parts of Upper and Middle Sind.

Chanhu-daro was a great centre of bead-making, and beads were unearthed in all stages of manufacture, together with the stones upon which they were ground and the drills with which they were bored. It seems possible that many of the beads found at Mohenjo-daro were actually manufactured at Chanhu-daro, and there are strong reasons for thinking that the so-called "etched" cornelian beads of both Ur and Mohenjo-daro—exactly the same somewhat complicated device occurs in the two countries—were imported thither from Chanhu-daro, or from a contemporary bead-manufacturing town in the Indus valley.

Indeed, there is a considerable body of evidence that, like Mohenjo-daro, Chanhu-daro also had far-flung trade connexions. A seal and various potsherds and model figures provide further evidence of the strong influence in the Indus valley of the Minoan culture of Crete, to which Dr. Mackay has already drawn attention in connexion with the seals of Mohenjo-daro; the mother goddess, the bull sports, the cults of dove and serpent, the "double-axe" and other devices of Crete, are all represented at Chanhu-daro.

LONGER HISTORIC PERIOD

The earliest stratum reached—which is now entirely water-logged—is obviously the heir to a long period of civilization. Its pottery is not exactly similar to that of the lowest level reached at Mohenjo-daro, which, it is possible, it may slightly antedate. Indeed, there is some reason to think that the history of Chanhu-daro, so far as it has been possible to ascertain it in one season's work, runs through a longer period of time than did that of Mohenjo-daro.

Dr. Mackay began excavations at Chanhu-daro on October 24 last and did not end for the season until the end of March. Whether excavations are resumed next cold weather depends naturally on the view taken by the organizers of the season's results, but there is every hope that the work will be continued.

Dr. Mackay was for six years engaged in the excavations at Mohenjo-daro, and is the author of a book, *The Indus Civilization* (Lovat Dickson).

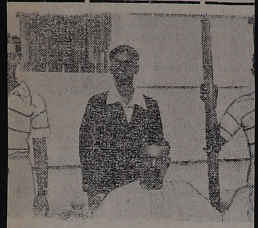
The potteries and other finds excavated at Chanhu-daro will be divided between the Government of India and the American school and museum organizing the expedition.

BALMIK HINDU SABHA

THE New Delhi Balmik Hindu Sabha has received Rs. 1,000 from the Harijans Sevak Sangh, Rs. 400 from Seth J. K. Birla, Rs. 500 from an anonymous donor and Rs. 25 from B. Brij Nandan Prasad, advocate, Moradabad, for the construction of a Balmik Mandir and school buildings on Reading Road, New Delhi. The Hindu Mahasabha

S FROM N

y for Season: Mus
ligarh: Indore Meet
a Dun: Bannu Fa



first representative crew ended its corporat
The corsmen are (left to right):—
Santosh Sarkar (cox), J. Sur (stroke) and B.
won the Inter-College Trophy last week.
Mookerjee, Secretary of the C. U. R. C.; Mr.
the crew's coach.

CHIEFS' COLLEGE COUNCIL

ALL-INDIA HOCKEY

WOMEN'S POSITION IN INDORE STATE

FROM OUR CORRESPONDENT
INDORE.

A NUMBER of ruling princes and educationists visited Indore during the week to attend the meetings of the working committee and the General Council of the Daly Chiefs' College.

Prominent among those who attended the meetings were His Highness Maharaja Sir Ghanshyam Singhji Ajitsinghji, Maharaja Raj Sahib of Dhrangdhara, the Maharaja of Dewas Junior, the Maharaja of Panna, the Raja of Rajgarh, the Raja of Narsingarh, the Raja Rao Bahadur of Khilchipur, the Agent to the Governor-General in Central India, the Resident at Gwalior, the Political Agents in Malwa and Bhopal, Sir Ross Masood, and the Dewans or other representatives of various States in Central India.

The first annual report of the Central India Hockey Association, just published, shows that the Association has made great progress since its inception, a year ago. No less than eight clubs and schools have been affiliated and three tournaments are run under the Association. An all-India tournament will be held at Indore from next December for which Nawab Gauhar-i-Taj Begum, heiress-apparent of Bhopal, has presented a handsome trophy. The success of the Association is mainly due to the interest taken by Nawab Gauhar-i-Taj Begum, His Highness the Maharaja of Orchha, the Nawab of Kurwai and Mr. Mohammed Anis, the honorary secretary of the Association.

"AT HOME"

Sir Hukamchand gave an "at home" at the Indra Bhavan in honour of the Knighthood conferred on Sir Seray Mal Bapna, Prime Minister, Holkar State. In spite of inclement weather a large number of prominent people from Mhow, Ujjain and Indore were present. Among the distinguished gathering present were:—

The Hon'ble Mr. K. S. Fitze, the Agent to the Governor-General in Central India, and Mrs. Fitze, Lt.-Col. D. M. Fraser, the Political Agent in Malwa, and Mrs. Fraser, Mr. and Mrs. Egerton, Col. and Mrs. Nicholson, Mr. C. R. O. Robertson, Major Lindsley, Mr. P. G. Bree, Sardar Zanane, Lt.-Col. J. R. J. Tyrrell, Dewan Bahadur and Miss Gosalia, Mr. S. V. Kanungo, Major T. M. Carpendale, Mr. B. C. Taylor, Rai Bahadur Seth Kanhaiya Lal Bhandari and several others.

His Highness the Maharaja of Indore has sanctioned the extension of the period of deputation of Mr. B. C. Taylor, Inspector-General of Police, Holkar, State, for one year. Mr. Taylor was recently promoted to the select grade of the District Superintendent of Police, Central Provinces. The Maharaja has ordered the creation of a Statistical section in the Commerce and Industry department, and the Commissioner, Customs, Excise and Commerce, has been appointed ex-officio Director of Statistics. Mr. M. G. Natu, Inspector of Records, has been appointed as Statistical officer.

HIGH SCHOOL EXAMS

The High School and the Intermediate examinations of the Ajmer Board of Intermediate and High School education have just been concluded. Out of 2,900 candidates appearing for the High School examination from Central India, Rajputana and Gwalior, 900 candidates were examined at Indore centre. The Agra University examinations will begin from April 6 and the Chiefs' Diploma examination on April 13.

The Suffolk Regiment, who have replaced the 1st Gloucestershire Regiment, Mhow, are a fine sporting unit. They played their first hockey match at the Daly Chiefs' College, Indore, and beat the College team by two goals to one. The annual inter-house competitions of the Daly Chiefs' College are being played and will conclude next week. The hockey final will be played this week.

WOMEN'S WORK

A meeting of the Indore branch of the All-India Women's Association was held recently when the work of the Association was reviewed. The meeting thanked the Holkar Government for nominating a woman to the new Legislative Council. The meeting drew the attention of the State authorities to the existing legal disabilities of women in the State, and urged that steps be taken to remove them. The Association has requested the Secretary of the Silver Jubilee Committee to help the Leper Asylum

ПАНИКА ВЪ СОЕД. ШТАТАХЪ, вызванная радіо-репортажемъ „О ВЫСАДКѢ въ штатѣ Нью-Джерси ДЕСАНТА МАРСІАНЪ"

Герберть Уэльсъ протестуетъ противъ злоупотребленія его авторскимъ правомъ.

(По телефону отъ лондонскаго корреспондента «Сегодня»).

Лондонъ ,31 октября. Аг-во Рейтерь сообщаетъ изъ Нью - Іорка о грандіозной паникѣ, охватившей въ воскресенье вечеромъ населеніе Соед. Штатовъ въ результатѣ радіо - репортажа, основаннаго на извѣстной книгѣ англійскаго писателя Герберта Уэльса «Борьба міровъ». Причиной паники была невнимательность радіо - слушателей, пропустившихъ

первоначальное сообщеніе о томъ, что этоть репортажъ является фантазіей.

Переходя къ передачѣ репортажа, спикеръ радіо - станціи сообщилъ, что въ штатѣ Нью-Джерсей упалъ снарядъ, выпущенный изъ огромной пушки, установленной на Марсѣ. При паденіи снаряда на территорію штата Нью - Джерси жертвъ было убито 1500 чел. Крышка снаряда открылась и изъ него высадился десантъ марсіанъ, вооруженный аппаратами, изрыгавшими лучи смерти, истребляющіе все попадающееся въ зону ихъ дѣйствія. Затѣмъ послѣдовало сообщеніе, что въ различныхъ частяхъ того - же штата упали новые снаряды марсіанъ, высадившіе новые десанты, при чемъ марсіанскіе техники быстро смонтировали воздухоплавательные аппараты невиданныхъ формъ, и что на Нью - Іоркъ и на Нью - Джерси движется сильная воздушная флотилія пришельцевъ съ другой планеты, цѣлью которой является бомбардировка газовыми и зажигательными бомбами Нью - Іорка и Нью - Джерси. Текстъ радіо - репортажа былъ составленъ очень реально и

всѣ названія англійскихъ городовъ, встрѣчающіеся въ книгѣ Уэльса, были замѣнены американскими.

Въ различныхъ кварталахъ Нью - Іорка началась неописуемая паника. Въ самомъ центрѣ города, въ небоскребахъ Манхэттена, перепуганные люди бѣгали отъ двери къ двери, предупреждая сосѣдей о надвигающейся опасности. Зазвонили телефоны, но испуганныя перепуганные люди стремились узнать въ полицейскихъ участкахъ, въ редакціяхъ газетъ и бюро радіо - станціи истину. Одинъ единственный нью - іоркскій пол. участокъ въ теченіе 10 минутъ былъ вызванъ 2000 разъ.

На улицахъ Нью - Іорка начали разыгрываться неописуемыя сцены. Можно было видѣть людей, которые бѣгали, обезумѣвъ по улицамъ, при чемъ головы были обмотаны мокрыми полотенцами, что должно было защитить будущія «жертвы» отъ дѣйствія ядовитыхъ газовъ. Потерявшіе головы люди кричали во все горло, что «наступилъ конецъ міру». Въ церквахъ пришлось прервать богослуженіе, такъ какъ

тысячи людей бросились подъ прикрытіе сводовъ и переполнили всѣ помѣщенія.

Особенно сильной была паника въ негританскомъ кварталѣ въ Гарлемѣ, жители котораго совершенно обезумѣли.

Улицы Нью - Іорка буквально гудѣли отъ многотысячныхъ толпъ. Раздавались тревожныя сирены полицейскихъ автомобилей, прокладывавшихъ путь черезъ сплошную толпу. Успокоительныя свѣдѣнія, которыя полицейскіе выкрикивали черезъ рупоръ, тонули въ общемъ шумѣ. Тысячи автомобилей ринулись за предѣлы Нью - Іорка. Часть жителей города хотѣла воочію убѣдиться въ высадкѣ марсіанъ. Другая часть, столь - же многочисленная, но болѣе предусмотрительная,

начала вывозить семьи въ деревни.

Большинство жителей поспѣшили къ лѣсистымъ Апельсиновымъ горамъ въ надеждѣ, что листва деревьевъ спасетъ ихъ отъ вражескихъ взоровъ. Люди съ особенно развитой фантазіей утверждали, что они самолично видѣли съ крышъ небоскребовъ приближающіеся марсіанскіе аэропланы. Газеты подхватили ложный слухъ, а въ кинематографахъ на экранахъ начали появляться сенсаціонныя надписи, еще болѣе увеличивавшія переполохъ.

Аг-во «Асошіетедъ Прессъ» разослало по всѣмъ редакціямъ особые бюллетени, въ которыхъ было образумить потерявшихъ голову людей. Власти вынуждены были вмѣшаться и принять чрезвычайныя мѣры для опроверженія слуховъ. Дирекція радіо - станціи было приказано немедленно начать

непрерывныя опроверженія переданнаго репортажа.

По городамъ были разсѣяны милліоны летучекъ, въ которыхъ населеніе успокаивалось и призывалось къ благоразумію. Прежде, однако, чѣмъ эти мѣры возымѣли дѣйствіе, во многихъ городахъ разыгрались трагическія сцены. Въ штатѣ Георгія, напримѣръ, церкви оказались переполненными молящимися. Въ другихъ штатахъ нѣкоторые городки совершенно опустѣли, такъ какъ перепуганное населеніе разбѣжалось во всѣ стороны. Особенная паника наблюдалась въ штатѣ Нью - Джерси, гдѣ произошелъ «десантъ». О томъ, насколько сильно было возбужденіе, свидѣтельствуютъ факты, что во многія больницы Нью-Іорка и Нью - Джерси были доставлены люди, пережившіе сильное нервное потрясеніе.

Авторъ книги «Борьба міровъ» Герберть Уэльсъ опубликовалъ въ вечернихъ выпускахъ лондонскихъ газетъ открытое письмо, въ которомъ выражаетъ свое

негодованіе по поводу злоупотребленія американскими радіо - станціями его авторскимъ правомъ.

Весьма вѣроятно, что всѣдствіе этого въ Соед. Штатахъ возникнутъ многочисленные судебные процессы, при чемъ въ числѣ истцовъ будутъ фигурировать само правительство и Герберть Уэльсъ. Радіостанціи, передавшей репортажъ о «десантѣ марсіанъ», повидимому, придется поплатиться за слишкомъ реальный тонъ фантастическаго сообщенія.

Американо-германскіе торговые переговоры и вопросъ о бѣженцахъ

Прага, 30 октября. Прибывшій въ Прагу предсѣдатель лондонскаго комитета помощи чехословацкимъ бѣженцамъ сэръ Роналъдъ Маклей заявилъ, что англійское правительство, вѣроятно, предоставитъ существующимъ бѣженцамъ 5.000 визъ для въѣзда въ Англію и доминіи. Какъ передаютъ Соед. Штаты также въ послѣднее время серьезно заинтересовались этой проблемой и, въ связи съ начатымъ Берлиномъ вопросомъ о герман - американскомъ торговомъ договорѣ, со стороны Вашингтона будетъ выдвинутъ вопросъ о кардинальномъ рѣшеніи бѣженскаго вопроса.

не писали себя кантонскую операцию столь молніеносной. Хотя было извѣстно, что главныя силы кантонской арміи борются на ханькоускомъ театрѣ и что защита береговъ у Кантона поручена войскамъ слабаго качества и записнымъ батальонамъ, питающимъ потолщеніями армію, но все же можно было вѣрить, что слабому японскому десанту (около двухъ дивизій) будетъ оказано извѣстное сопротивленіе. Что сопротивленіе было ничтожно, можно объяснить не только неожиданностью высадки (это дало успѣхъ самой высадкѣ), но и растерянностью командованія и разстройствомъ войскъ еще до боя (это дало успѣхъ японскому продвиженію къ столицѣ южнаго Китая).

Интересно отмѣтить слѣдующій фактъ: военныя дѣйствія противъ Китая начались на сѣверѣ у Пекина; затѣмъ томительная бездѣятельность японскій флотъ предпринялъ высадку у Шанхая и перенесъ центръ тяжести войны въ этотъ районъ; теперь у флота томленія не было — его мелкія суда несли тяжелую боевую работу на Янцзыкіангѣ — но была тоска по поблажамъ (вспомогательная роль на Янцзыкіангѣ не удовлетворяла) и въ результатѣ тоски высадка у Гонконга. И надо признать, что въ обоихъ случаяхъ интервенціи морского генеральнаго штаба стратегическая правда была на его сторонѣ. Созданіе шанхайскаго фронта позволило нанести китайцамъ четыре жесточайшихъ поражения — у Шанхая, у Нанкина, у Лунхайской желѣзной дороги и теперь у Ханькоу. Кантонскій фронтъ, сейчасъ образовавшійся, несетъ большія стратегическія возможности японцамъ.

Кантонскія войска, по всей вѣроятности, отступаютъ вдоль рѣки Сикіангъ въ западномъ направленіи. Если они задержатся

Если же кантонскои арміи удастся задержаться въ своемъ отступленіи немного восточнѣе Сунгчоу, напримѣръ, къ востоку отъ Вючоу, то рѣка Сіанъ - Кіангъ, соединяющаяся въ Вючоу съ рѣкой Сикіангъ, послужитъ артеріей для военнаго питанія провинціи Хунанъ, лежащей къ сѣверу отъ провинціи Кванси. Въ этомъ случаѣ боевой фронтъ протянулся бы съ сѣвера на югъ къ западу отъ желѣзнодорожной линіи Кантонъ—Ханькоу, и это позволило бы южному фронту китайскихъ силъ поддерживать кое - какую связь съ ихъ центральнымъ фронтомъ.

Войска центральнаго фронта отступили отъ Ханькоу въ двухъ направленіяхъ — на западъ вдоль Янцекіанга и на югъ вдоль рельсоваго пути на Кантонъ. Послѣдняя группа, вѣроятно будетъ искать соединенія съ южной группой, чтобы своими искушенными въ бояхъ дивизіями усилить полуформированныя и уже растроенныя линіи кантонскаго гарнизона.

Главныя силы китайскихъ войскъ, дравшихся на подступахъ Ханькоу, отошли на западъ и будутъ и въ дальнѣйшемъ базироваться на рѣку Янцекіангъ. По этой рѣкѣ могутъ быть подаваемы на фронтъ запасы продовольствія изъ богатыхъ сельско-хозяйственными продуктами провинцій внутренняго Китая. Что же касается военнаго снаряженія, то съ нимъ дѣло будетъ обстоять плохо. Въ горахъ, расположенныхъ въ 1200 км. къ юго - западу отъ Ханькоу, находится городъ Теунинъ, соединенный желѣзной дорогой и съ французскими владѣніями въ Индо - Китаѣ и съ англійскими владѣніями въ Индіи — сюда могутъ быть доставляемы предметы военнаго снаряженія отъ заграничныхъ друзей. но въ ограниченномъ количествѣ, вслѣдствіе слабой провозоспособности этой

[illegible] центральномъ театрѣ не приходится ждать продолженія борьбы въ современномъ стилѣ — для нихъ наступаетъ періодъ примитивности.

Неизвѣстно, какова будетъ судьба войскъ, занимающихъ районъ къ сѣверу отъ Ханькоу до Кайфенгу, что на рѣкѣ Хуанхо. Хэнькоу былъ взятъ обходомъ съ сѣвера въ результатѣ прорыва фронта тянущагося вдоль желѣзной дороги изъ Ханькоу въ Кайфенгу. Все, что осталось къ сѣверу отъ этого японскаго прорыва можетъ, вѣроятно продолжать драться на занимаемой линіи, пока японское командованіе не предприметъ большой операціи противъ нихъ. Но вопросъ о дальнѣйшемъ базированіи этой группы линіяхъ еще не опредѣлился. Ихъ базированіе на желѣзную дорогу Ханькоу — Кайфенгъ стало неюзможнымъ, потому что снабжающій центръ — Ханькоу — занятъ врагомъ. Трудно сказать, удастся ли имъ наладить дорожную связь съ войсками, отходящими вверхъ по Янцекіангу, или же имъ придется искать возможности снабжаться изъ складовъ 8-ой китайской арміи. И въ томъ и иномъ случаѣ возможность обильнаго снабженія военнымъ снаряженіемъ весьма сомнительна — обильное снабженіе требуетъ наличія путей сообщенія. — Выборъ того или иного направленія базированіи (если это вообще будетъ выборъ, а не пропитанныя условіями обстановки необходимость) предопредѣлитъ дальнѣйшую политическую физіономію этой арміи, базируясь на базы Чанъ - Кай-Шека, эта армія будетъ арміей Центральнаго правительства; базируясь на базы 8-ой арміи, она станетъ арміей, подчиненной совѣтскимъ инструкторамъ.

Катастрофа, разразившаяся надъ [illegible]

тутъ текстъ сведенъ къ двумъ-тремъ строкамъ, часто рифмованнымъ: «Въ твоихъ рукахъ судьба народа!» «Равнодушіе — измѣна народа!» и т. д.

КЪ УРНАМЪ!

Нигдѣ пока не видно пропаганды за того или другого кандидата: ясно, что вся агитація ограничивается призывомъ избирателей къ урнамъ. Необходимо преодолѣть бойкотную акцію оппозиціи.

По условіямъ совершенно опредѣленнаго характера, такой акціи официально не существуетъ. Вы ничего не прочтете о ней въ газетахъ оппозиціонныхъ партій, въ

таемъ, чрезвычайно ослабляетъ его военныя возможности — матеріальныя и моральный уронъ огроменъ. Но надо сказать, что съ ростомъ трудностей для Китая не уменьшаются трудности для Японіи. Японцы овладѣли всѣми важнѣйшими стратегическими объектами въ Китаѣ — Пекиномъ, Шанхаемъ, Кантономъ, Нанкиномъ, Ханькоу, Цинтау, Тяндзиномъ. Имѣя больше нечѣмъ овладѣвать — можно брать территорію, но нѣтъ объектовъ, взятіе которыхъ рѣшительно отражалось бы на ходѣ операцій. Это невыгодно въ двухъ отношеніяхъ — покуда были такіе объекты, китайскія армія должна была оказывать упорное сопротивленіе и терпѣть большія пораженія, защищая эти объекты; теперь же она можетъ уклоняться отъ серьезныхъ боевъ и слѣдовательно отъ серьезныхъ опасностей. Во вторыхъ, при новой ситуаціи у японцевъ отпадаетъ возможность козырять эффектными побѣдами — захватъ каждаго большого стратегическаго объекта учитывалъ не нервамъ китайскаго народа и вызывалъ бодрящее ликованіе въ япон-

скомъ.

Теперь только Японія становится лицомъ къ лицу съ необъятностью Китая. Ея послѣдній не потрясенъ пораженіями и столько, чтобы запросить мира, то японцамъ придется продолжать кропотливую работу постепеннаго ліквідіи Китая способности къ сопротивленію. Имъ придется перенести центръ тяжести борьбы въ области уничтоженія живой силы въ области разложенія моральной силы. Конструктивная работа по созданію новаго Китая въ захваченныхъ областяхъ въ противъ Китаю Чанъ - Кай - Шека и «династіи» Сунъ — вотъ, можно полагать, гдѣ будутъ приложены большія усилія. Конечно, эта политическая работа не прекратитъ боевой работы войскъ, которые будутъ стремиться покончить разгромомъ китайскихъ армій, сопрягая смѣлость и энергію съ осторожностью въ проникновеніи вглубь территоріи. Въ этомъ отношеніи Кантонскій театръ сулитъ японцамъ большія возможности. чѣмъ Ханькоуск[illegible]

Е. МЕССНЕРЪ.

БЕЗЪ ПАРТІЙ.

Въ сенатъ избирательныхъ прав[illegible] пользуется, сравнительно, небольшая часть населенія: лица съ высшимъ образованіемъ, кавалеры орденовъ за освободительную борьбу и т. д. Тутъ не было надобности въ особой агитаціи. Въ сеймъ выбо[illegible] всеобщіе, но кандидаты въ депутаты [illegible]

(партія Дмитрія Сергѣевича), которая не приняла участія въ первой стадіи выборовъ. Какъ извѣстно, въ Польшѣ дѣйствуетъ система двустепенныхъ выборовъ, и первая стадія — выборы кандидатовъ въ депутаты и выборщиковъ въ сенатъ (верхняя палата), уже пройдена.

В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 5-го АПРЕЛЯ В 3 Ч. ДНЯ

В Master Institute (310 Riverside Drive, cor. 103 St.) в зале #21

СОСТОИТСЯ ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ

посвященное памяти

ИВАНА ПЕТРОВИЧА ПАВЛОВА

устраиваемое совместно

ОБЩЕСТВОМ РОССИЙСКИХ ВРАЧЕЙ, РУССКИМ АКАДЕМИЧЕСКИМ СОЮЗОМ В АМЕРИКЕ И О-ВОМ ДРУЗЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Речи об **И. П. Павлове** произнесут: **проф. А. И. Петрункевич, проф. И. И. Остромысленский, проф. И. С. Розенталь, д-р А. С. Сальвин и проф. А. В. Толстоухов.**

В музыкальной программе (похоронный марш Шопена и и Трио A-minor Чайковского) — **г-жа Крамер и г.г. Влад. Граффман и Влад. Дубинский.**

ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ ПАМЯТИ И. П. ПАВЛОВА

Завтра в Мастер Институт, (310 Риверсайд Драйв), состоится Торжественное Собрание, посвященное памяти И. П. Павлова.

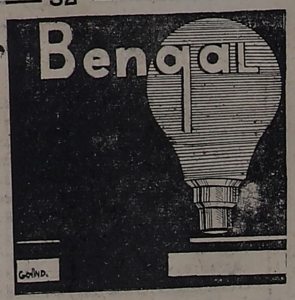
Собрание это устраивается совместно Обществом Российских врачей в Америке, Академическим Союзом и Об-вом Друзей Русской Культуры.

С речами о И. Павлове выступят: проф. А. И. Петрункевич, проф. И. И. Остромысленский, проф. И. С. Розенбаум, д-р А. С. Сальвин и д-р А. В. Толстоухов.

В музыкальной программе участвуют г-жа Крамер, Вл. Граффман и Вл. Дубинский.

Начало собрания в 3 часа дня.

[1930-е]



ADVERTISEMENT RATES

Casual Advertisements are charged at Rs. 4—0—0 per col. inch.

For special positions and front page, 50 per cent extra.

For contract advertisements special terms can be obtained from the Advertisement Manager.

SUBSCRIPTION RATES

Annual	Rs.	9 0
Six Months	„	4 8
Single Copy	As.	0 3

Free India

SUNDAY, SEPTEMBER 24, 1944

WITH GREETINGS

We tender our hearty thanks to all our friends and advertisers who have co-operated to make this week's *Free India* such a beautiful production. War time controls and, especially, the ban on the use of art paper have prevented us from giving our readers, this year, our *Annual and Industries Number*, which had been planned on a grand scale. Many a beautiful art plate in multi-colours had to be scrapped at the last minute, and the plan had to be given up. But still, we have the satisfaction of retaining one unique painting in colour—the poignant scene of the last rites of Kasturba, inside the Palace-Prison at Poona.

* * *

It is an episode of epical grandeur and poignancy and in the years to come, it will rank as one of the most unforgettable scenes. Like Christ on the Cross and Socrates with the cup of hemlock, Bapuji in prison beside the bier of Ma, will also become one of the immortal scenes in the list of the "last moments of the great." From the painting on our cover page, readers can judge for themselves how far Artist Raghavan has succeeded in portraying the pathos and poignancy of this great theme.

* * *

Though preoccupied in Bombay with far more important problems affecting the destiny of the Nation Rajaji has managed to find time to send us his special contribution. Readers will remember his "Call for Realism" in our Dasara Number last year. This year's article entitled "My Faith," we are sure, will rank as historic as that call. Our hearty thanks to the revered leader and our salutations for his ever-green faith and robust realism.

* * *

Dr. V. K. R. V. Rao of the University of Delhi needs no introduction. One of the two or three top-rank economists of India, his knowledge of economics and planning is unrivalled. Now, engaged on important statistical work for the Government of India, the Doctor's views on the problems of Industrial City are of vital interest to the future of India.

Barrister Pattabhi Raman who is following the trail of his brilliant dad in the field of law, proves once again his profound scholarship in literature also by delving deep into an ancient Sanskrit piece—of piety and beauty.

Mr. S. Guruswamy is a Trade Unionist of long-standing repute. He puts Labour's view of post-war planning and we commend it to all serious students of economics.

* * *

M. S. N. writes on Bharata Natya, with finesse and feeling. It is an amazing feat he has performed—of packing so much of profound knowledge and research about this intricate art into such a short article of absorbing interest.

Director D. V. Chari, seasoned craftsman and experienced director of the South Indian films, discusses a problem that vitally affects the trade. His is a refreshingly bold analysis and the producers would do well to study the remedy he advocates.

* * *

The versatile Mr. Nilkan Perumal is quite at home on any topic, and he gives here fascinating facts about the South Indian Tobacco industry, making us forget that it is an article on industry and not a short story! Mr. A. G. Venkatachari, the seasoned journalist, recalls his visit to Malaya, before it fell to the Japanese. His article on the "Dive-Bomber" is likely to become as classical as "Snakes in Iceland."

Prof. Nicholas Roerich's article on "Secret Treasures" unearths the philosophic truth from the hoary legends of the Icy regions. His world-famed paintings reprinted on these pages enhance the value of his rare article.

To the Bureau of Information of the United States of America and the Soviet Union, we offer our thanks for the articles and photos of Indo-American and Indo-Soviet interest. To all these friends and to our numerous contributors, readers and well-wishers we offer our salutations and greetings for Dasara.

SOVIET TRIBUTE TO TAGORE

(By Nikolai Tikhonov, Chairman, Soviet Writers' Union)

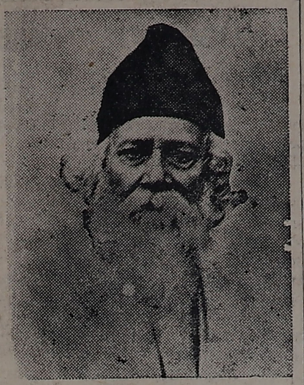
THERE are names that call up great thoughts and great country. Rabindranath Tagore's is one of these names. Behind it we have the vision of the vast country stretching from the Himalayan peaks to the Indian Ocean, the country of boundless fields, endless roads and ancient cities, country where Nature and, above all, men are seen in their magnificence—man engrossed in his every-day labours and earthly cares, man seeking knowledge and perfection.

Amid Russian snows, through the thunder of upheavals in which that new world which we call our country was born, above universal voices that accompanied us in our searches for perfection we heard in an enchanted world the songs and tales in the penetrating voice of that wise singer of life—Rabindranath Tagore.

★

As poet, novelist and dramatist he appeared to the Russian reader to whom he revealed the hitherto-little-known world of the mysterious Indian soul. Of the grandeur of this country with its age-old culture, gifted peoples we had known much, but of her soul, mighty and tender, we learned from books written by her finest son, her singer.

I would compare the melodious blossoming of his lines in *Gitanjali* with the splendid entrance to that country. Later



we met his *Gardener*, his *Morning Songs* and his lyrical plays.

We read novels *Gora* and *World and Home*; they became familiar to the Russian reader. Several editions of his *Reminiscences* came out here.

Tagore was not alien to human passions, nor aloof from noble love; the philosopher never supplanted the poet nor did the teacher supplant the artist. We know how much he has done for the enlightenment of India and for the protection of her cultural institutions.

★

One of his schools at Shantiniketan stands as memorial to his thought for the future.

TAGORE is very close to us for another reason: not confining his search for perfection to his native soil, he studied all that was human and constantly reflected and debated upon it.

Peaceful life, creative work and the necessity for complete understanding among nations of the world drew his attention to that family of peoples as remarkable as the Soviet Union.

We can but regret that now, when the mortal duel with Fascism's dark forces is approaching its end, we are unable to welcome this wise poet in our victorious camp. He would have felt the greatest joy on hearing the doom of the squad plans of Hitlerite robbers who sought to fetter peoples of the world in eternal chains of social inequality, hunger and death.

★

TAGORE came from that race of giants of thought whose people belong to all progressive mankind. He was for India what Leo Tolstoy was for Russia. But in every country he was guest of honour at the feet of Reason and Art.

He broadened the popular conception of India's great people. The intolerable trials faced by nations of the world during the present colossal upheaval that menaces the entire planet could never have been endured by them had they not felt assured of the inevitability of victory for the right cause and the triumph of Justice.

★

FRIENDSHIP among the freedom-loving peoples must be deepened and widened. In their knowledge of each other, in mutual understanding among people lies the key to human happiness. Tagore was not a fighter but his world is a warring world of love. For, love is also the sword that cleaves through darkness. That sun of tomorrow's happiness may illumine the earth racked by suffering and bring its warmth to men who are weary of thought, but still strong in spirit.

We have millions of friends in India, but the first of them to say the profound word of his country, a word addressed to the whole world was Rabindranath Tagore, poet, dramatist, novelist, philosopher, musician and master of illumined life.

GAIT OF THE GREAT

History has not thought it beneath her dignity to note the gait of great men, as well as their other peculiarities. Johnson's "rolling walk," Byron's and Scott's lameness, are never forgotten by their biographers. King James I's shambling gait is held up by his detractors to the ridicule of posterity, writes a British magazine.

Louis XIV was a graceful as well as an untiring walker wearying those courtiers who were more sensitive to fatigue than the King.

A NATION'S SYMBOL

More than ever, the symbol of China's will was the shaven-headed, tenacious Generalissimo. Even Chiang Kai-shek's bitterest political enemies, the veteran Communist chiefs Mao Tse-tung and Chou En-lai, acknowledged his undisputed leadership in resistance. In the 17 years since he set out to centralize and nationalize China, Chiang Kai-shek had concentrated tremendous power in his own hands. But he could never have held that power if he had not used it for China, and against Japan. In him a leader's will and a people's will had fused.—Time.

TO TOUR ENGLAND AND AMERICA

KAMANI CHIEF'S PLAN

Mr. R. R. Kamani, Director of Kamani Metal Refinery and Metal Industries, Ltd., and several other concerns is proceeding by air to the United Kingdom and America on a technical visit connected with the development of the existing factories in ferrous and non-ferrous industry with which he is connected.

The various factories with which Mr. Kamani is connected have contributed to the war effort of the country in a very vital manner, and his visit to England and America has been arranged with the help of the Supply Department.

Mr. Kamani intends also to make investigations regarding the possibilities of starting a number of new industries and will try to obtain technical expert advice as regards processes and machinery for the new industries which the firm of 'Kamanis' intends to start in the near future.

EXTRA PRECAUTIONS BY POLICE

Mahatma Gandhi passed a quiet day today meeting a small number of visitors. Mrs. Sarojini Naidu, Dr. Jivraj Mehta and a few others called on him in the evening, says the *Free Press Journal* in a report, dated last Monday.

Today, adds the report, the police seem to have taken extra precautions particularly in the evening during prayer time. All approaches to Malabar Hill were strongly guarded.

Additional police were seen posted at different places and people who came for the prayers were carefully watched.

Forced to Flee and Hide By School Girls!

—:o:—

PLIGHT OF THREE LUCKNOW GENTS

Students of the Lucknow Mahila Vidyalaya are on the war path, and the authorities have decided to close down the institution till further notice, following violent incidents.

The cause of the strike, which has been in progress for the last ten days, was the appointment of a new Principal, Miss Kalyani Acharya. The strikers demanded the promotion of Mrs. P. Shukla, Vice-Principal to this post. Mrs. Shukla had been officiating as Principal for nearly a year till the new appointment was made.

The College Managing Committee who met on Thursday last, decided to suspend Mrs. Shukla and two other members of the teaching staff, as in the committee's opinion, they were behind the strike. The strikers were also warned that disciplinary action would be taken against them if they persisted in staying away from the classes.

The Managing Committee again met and decided to close down the institution till further notice. This decision was taken, following violent incidents when three members of the committee visited the college during the day to persuade the students to give up the strike.

Girls' Rowdyism!

According to a statement issued by the Managing Committee, of the three members one had to lock himself up in a room; another slipped away and the third was surrounded by the girls before he could escape. The girls, the statement adds, tried to force open the door of the room in which one member had locked himself up, succeeded in smashing the window-panes, threw in a paper weight which missed and a call bell which caught him in the nose.

Earlier, more than 50 inmates of the Vidyalaya hostel were reported to have gone on hunger-strike as a protest against the appointment of the new Principal.

Meanwhile, the claim of the Managing Committee that the strike had fizzled out was repudiated by the president of the Kumari Sabha, Miss Padma Singh, who says that a majority of the girls had been staying away from their classes.

She states: "The strike in the Mahila Vidyalaya has given rise to much misunderstanding and apprehension in the public mind. Facts have been misrepresented by the College authorities..

"We had been nursing a grievance against the College authorities ever since Miss Dube was forced to resign the principalship, but we did not do anything at the time as we felt we should not interfere in the management of the College. The post was advertised and Mrs. Shukla, who had been working as Vice-Principal for the last 6 years, was selected for principalship from among the so many candidates who were called for interview. She was appointed in an officiating capacity and given an assurance that if her work was found satisfactory she would be confirmed.

Gross Injustice

"She worked for a year as Principal and her term had been as successful as that of anybody. And yet we heard one day that we were to have a new Principal.

We felt very deeply that not only was a gross injustice being done to her but the security of all college teachers in general was in danger, and we must do all that lay in our power to check this arbitrary action on the part of the Managing Committee.

"It is not true that we decided to strike under outside influence. We have been carrying on the strike peacefully and in a strictly disciplined manner."

THE AGA KHAN, who is to marry for the third time. Here he is seen with his second French wife, whom he has divorced.

AMERICAN LABOUR LEADERS

TO TOUR INDIAN TOWNS

The news that the six American labour leaders who are at present touring the European battlefields will visit India shortly may not be to the liking of official India, but Indians will certainly welcome it. They should be able to contact the prominent men in the Indian trade union movement and see for themselves the conditions of life and work in industrial areas. They should be able to get away from arranged pregrammes and form an independent estimate of this country, its problems and potentialities. The advantage of their visit is that they will be able to acquire some knowledge of the Indian war effort and the contribution of workers to it.—*Leader.*

NAZI SURRENDER: German soldiers move along a beachhead in France on the double, hands over their heads in surrender

The Company To Contact

FOR EACH AND FOR ALL

The

Hindusthan Co-operative Insurance Society, Ltd.

With its several Attractive Schemes to suit individual requirement and taste

Brilliant All Round Progress

New Business for 1943	.... Rs.	5,29,10,865
Total Business in Force	.... ,,	24,82,83,876
Life Assurance Fund	.... ,,	5,39,16,201
Total Assets	.... ,,	5,95 75,826

Applications for Special Agencies in the City and Ceded Districts on monthly allowance basis are invited from influential persons

THE BRANCH MANAGER,
"HINDUSTHAN BUILDINGS"
107, ARMENIAN STREET, : G. T., MADRAS

Великое изобретение

□ □ □

Академик Б. ВВЕДЕНСКИЙ

□ □ □

Два могучих течения человеческой мысли привели к созданию радио: развитие знаний об электромагнетизме и совершенствование техники связи.

Начавшийся к концу XVIII века бурный прогресс учения об электричестве, через Кулона, Гальвани и Вольта, через Эрстеда и Ампера, приводит к созданию Фарадеем роли электромагнитных полей в пространстве и к нервным, смутным представлениям об электромагнитных волновых процессах.

Максвелл с его исключительным теоретическим проникновением и Герц с его экспериментальным талантом делают мысль Фарадея научной реальностью, обосновывают электромагнитную теорию света и обеспечивают возможность получения электромагнитных волн чисто электрическими способами, совершенно отличными от привычных способов получения света.

Возможность создания радио была подготовлена, но только возможность. Изобретение, то-есть техническое воплощение новой идеи, еще предстояло осуществить.

Изобретателю радио мало было в совершенстве владеть всеми новейшими фактами учения об электричестве. Он должен был еще целиком проникнуться мыслью о необходимости совершенствовать технику связи.

Практическую задачу изобретения радиосвязи решил в нашей стране Александр Степанович Попов (1859 — 1906 гг.).

Родился А. С. Попов в рабочем поселке Туринские рудники, на Урале. Жизнь изобретателя радио была целеустремленной. Трогательно к техническим вопросам Попов высказывал с детства. Как только представилась возможность, он уехал учиться в Петербург, в университет, который и окончил в 1883 году.

Еще до окончания университета Попов исполнял ассистентские обязанности. Он был хорошо осведомлен и в вопросах практической электротехники, в частности руководил электрическими установками на территории Нижегородской ярмарки. Многочисленные публичные доклады с демонстрациями показывают научную зрелость

А. С. Попов.

мелленно воспроизводить их и творчески осваивать.

Несмотря на всю глубину опытов Герца, на уже появившиеся работы по колебаниям сосредоточенных и распределенных систем, учение об электрических колебаниях и электротехника переменных токов были близкими к запаточным.

Совсем плохо обстояло дело с представлениями о резонансе, в особенности с измерением длины волны. Даже вращающийся конденсатор или удобный вариометр отсутствовали. Единственно существовавшие тогда затухающие колебания сильно усложнили все закономерности.

Но в первую очередь недоставало удобного, чувствительного и устойчивого «обнаружителя» электрических колебаний (на современном языке—детектора). Миниатюрные искорки в резонаторах Герца или в разрезе зеркального слоя у Риги годились только для лабораторных условий и расстояний.

А. С. Попов почти сразу остановил свое внимание на единственно правильном решении, которое приводило к конструкции именно пишущего радиотелеграфа. Он воспользовался способностью несовершенных контактов между крупинками рыхло насыпанных металлических опилок резко уменьшать свое сопротивление под действием электрических колебаний.

Попов детальнейшим образом изучал и улучшал интересующие его свойства порошков и бусинок разных металлов и углей и тем придал небывалую чувствительность своему прибору — первому в мире радиоприемнику, продемонстрированному им Русскому физико-химическому обществу 7 мая 1895 года.

Автоматический «встряхиватель» в виде молоточка электрического звонка был особенно эффективен с точки зрения изобретения именно беспроволочного телеграфа, который по удобству обслуживания не должен был уступать обычному телеграфу. На докладе в Париже в 1900 году это обстоятельство особенно подчеркивалось Поповым.

Наблюдение Рыбкина и Троицкого (1899 г.) относительно возможности приема радиотелеграфных сигналов на слух чрезвычайно увеличило дальность передач. Но отказ от пишущего приема, несомненно, требовал преодоления значительной психологической инерции.

Введение А. С. Поповым в схему реле—весьма несовершенного с современной точки зрения электромеханического прибора, — конечно, служило только целям создания именно пишущего приема. Но самый рациональный принцип, принцип приведения в действие слабым сигналом местных, гораздо более значительных количести энергии, является неограниченно более значительным.

К этому принципу вернулись, как только вместо грубого и инертного электромеханического реле появилось реле электронное, в виде электронной лампы. Релейный принцип господствует ныне во всей приемной радиоаппаратуре.

Однако наиболее радикальным нововведением была антенна, о которой Попов говорит уже в докладе 7 мая 1895 года.

Очень существенно, что антенна Попова, по крайней мере в основном, была вертикальной. Этим, пусть ощупью, была внесена вертикальная поляризация радиоволн, безраздельно господствовавшая в радиосвязи целых четверть века.

В основном с той же приемной аппаратурой, которую Попов показывал 7 мая 1895 года, он 24 марта следующего года произвел публичную демонстрацию первых в мире переданных с помощью электромагнитных волн слов: «Генрих Герц». Поэтому 7 мая 1895 года является датой изобретения радио.

По вопросу о приоритете в изобретении радио много говорилось и писалось. Претензии главного претендента—итальянца Маркони опровергаются легко. Заявка Маркони была сделана спустя более года (в июне 1896 года) после первого доклада А. С. Попова и на несколько месяцев позднее второго его доклада. Самый патент опубликован только в июле 1897 года, когда Попов уже осуществил радиосвязь корабля с берегом.

Великий русский ученый-изобретатель и его сотрудники успешно работали над введением радио на судах военного флота. Первая регулярная линия радиосвязи, длиною в 44 километра, была в феврале 1900 года экстренно установлена с островом Гогландом. При этом удалось не только успешно выполнить основную задачу — содействовать снятию с камней броненосца береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин», но и спасти человеческие жизни — группу рыбаков с унесенной в море льдины.

Однако расцвет радио в нашей стране начался после Октябрьской революции. Он неразрывно связан с именами Ленина и Сталина, с широким развитием отечественной радиопромышленности и радиостроительства.

В. И. Ленин лично подписал декрет об организации Нижегородской лаборатории, которой поручено было работать М. А. Бонч-Бруевичу. Лаборатория эта сыграла громадную роль в развитии советской радиотехники, прежде всего тем, что создала отечественные передающие и приемные электронные лампы. М. А. Бонч-Бруевич сконструировал первые в мире лампы с медным анодом, охлаждаемым водой, на рекордные тогда мощности в 25 и даже 100 киловатт. Построенные Нижегородской лабораторией вещательные радиостанции в 12 киловатт (1922 г.) и 40 киловатт (1927 г.) завоевали тогда мировое первенство, неизменно поддерживаемое позднейшими мощными и сверхмощными советскими радиостанциями.

Благодаря заботам товарища Сталина страна получила сеть мощных радиоцентров и ряд крупнейших радиозаводов и первых в мире переданных с помощью электромагнитных волн слов: «Генрих Герц». Поэтому 7 мая 1895 года является датой изобретения радио.

По вопросу о приоритете в изобретении радио много говорилось и писалось. Претензии главного претендента—итальянца Маркони опровергаются легко. Заявка Маркони была сделана спустя более года (в июне 1896 года) после первого доклада А. С. Попова и на несколько месяцев позднее второго его доклада. Самый патент опубликован только в июле 1897 года, когда Попов уже осуществил радиосвязь корабля с берегом.

Великий русский ученый-изобретатель и его сотрудники успешно работали над введением радио на судах военного флота. Первая регулярная линия радиосвязи, длиною в 44 километра, была в феврале 1900 года экстренно установлена с островом Гогландом. При этом удалось не только успешно выполнить основную задачу — содействовать снятию с камней броненосца береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин», но и спасти человеческие жизни — группу рыбаков с унесенной в море льдины.

Насколько многочисленны советские вещательные радиостанции, видно из того хотя бы, что они ежедневно ведут передачи на 70 языках народов Советского Союза, не считая многих иностранных языков.

Широкое развитие во всех городах и районных центрах нашей страны получили проводные вещательные сети, подводящие радиовещательные программы с центральных радиоприемных пунктов к индивидуальным репродукторам.

Эти и другие успехи советского радио стали возможны благодаря широкому развитию советской науки в области радио, связанному с общим прогрессом науки в СССР.

Трудно найти отрасль современной техники более многогранную и более бурно развивающуюся, чем радио. Советским ученым по всей справедливости должно быть отведено одно из первых мест в такой важнейшей области, как исследование законов распространения электромагнитных волн.

Одной из основных тенденций в развитии современной радиотехники является бурное освоение диапазона ультракоротких волн (УКВ). Они находят себе применение в ряде специальных областей, среди которых особенно являются радионавигация и радиолокация.

С другой стороны, ультракороткие волны найдут широчайшее применение при организации многопрограммного звукового и телевизионного радиовещания. Наряду с линиями широкополосного кабеля будут строиться ретрансляционные УКВ-линии, в которых все шире будут применяться дециметровые и сантиметровые волны.

Благодаря вниманию со стороны партии и правительства наша страна приходит к 50-летнему юбилею со времени изобретения радио А. С. Поповым с крупнейшими научно-техническими, производственными и эксплоатационными итогами. Победное завершение войны с фашизмом, достигнутое под гениальным руководительством И. В. Сталина, несомненно, приведет к новому расцвету нашей социалистической родины и создаст условия для дальнейшего, еще большего развития советского радио.

[1945]

...переживаем, могут быть названы историческими в полном смысле слова. Товарищ Сталин в своем первомайском приказе ясно и четко обрисовал военно-политическую обстановку и указал, что «мировая война, развязанная германскими империалистами, подходит к концу». Уже на следующий день была возвещена великая победа советских войск, овладевших Берлином — центром германского империализма и очагом немецкой агрессии. Падение Берлина, по всеобщему признанию, символизирует гибель гитлеровской Германии в целом. Берлин лежит в развалинах.

Огонь войны, в котором гитлеровцы хотели сжечь все живое, с сокрушительной силой обратился против них самих. Дни гитлеровской Германии сочтены, приближается час расплаты — полной и всеобъемлющей.

События последних дней показывают не только развал гитлеровской военной машины, но и страшное разложение, упадок морали «немецкого народного сообщества». Смрад горящего Берлина дополняется зловонием морального разложения.

Гитлеровская верхушка, призывавшая немцев бороться до последнего вздоха, сама не имела мужества встретить смерть в бою: большинство главарей бежало, скрылось и всячески старается замаскироваться, продолжая в то же время свои пропагандистские трюки. Они инсценируют мнимые разногласия в своей среде: наличие «мирной партии» во главе с Гиммлером и «военной партии» во главе с новым «фюрером» Деницем. Но, как правильно замечает обозреватель агентства Рейтер, «пропагандистская ловкость, с которой была организована гитлеровская «смерть на боевом посту», дает основание предполагать скорее запланированное разделение труда, чем раскол».

Гитлеровские разбойники, корчащиеся в предсмертных судорогах, делают последнюю попытку шантажировать мировое общественное мнение и вызвать разлад в лагере союзников. Но «эти новые жульнические трюки гитлеровцев обречены на полный провал» (И. Сталин).

Приговор истории над гитлеризмом приводится в исполнение не только на полях брани, но и на международной арене. В Сан-Франциско закладывается фундамент Международной организации мира и безопасности. У сторонников гитлеризма еще теплится надежда заложить мину замедленного действия в международную организацию или же сделать порочной всю ее структуру. Не случайно херстовские и иные прогитлеровские органы с бешенством стараются опорочить благородное дело борьбы за создание прочного международного барьера против фашистской агрессии и вбить клин между великими державами — организаторами победы над гитлеровской Германией. Свободолюбивые народы, глубоко осознавшие все ужасы гитлеровского варварства, конечно, с возмущением отвернутся от херстовских и им подобных бандитов пера. Однако нужна максимальная бдительность, чтобы среди кирпичей, из которых будет складываться будущая международная организация мира, не оказались явно негодные, могущие ослабить устойчивость ее.

С этой точки зрения несомненным минусом является решение в Сан-Франциско вопроса об Аргентине. Скоропалительное приглашение Аргентины, явного пособника гитлеровской Германии, не может быть воспринято иначе, как с чувством тревоги. Конференция не вняла предостерегающему голосу главы советской делегации В. М. Молотова, предлагавшего отсрочить решение и более тщательно изучить весь вопрос. Многие органы печати в США критически отнеслись к решению Конференции в Сан-Франциско о приглашении Аргентины. Как указала радиокомментатор Серджио, «участие Аргентины представляет собой микроб фашизма на Конференции в Сан-Франциско. Микробы болезни опасны, кто бы ни был их носителем. Фашистские микробы заражают мир, а аргентинский носитель подобен Муссолини ствующая ф... тине, пытается создать своего рода ...мовую завесу вокруг гитлеровских происков в Аргентине. Однако факты — упрямая вещь. А фактом остается то, что правящая в Аргентине милитаристская клика Фарреля — Перона не может быть рассматриваема иначе, как резервная бригада Гитлера. Об этом с неопровержимой ясностью свидетельствует вся программа руководимого ею «об'единенного союза офицеров». Мы должны напомнить о секретной инструкции аргентинских милитаристов, ставшей предметом гласности в Латинской Америке в июне 1944 года. Лейтмотив сей инструкции определенно выражен в следующих словах: «Пример борьбы Гитлера как в мирное, так и в военное время должен стать нашей путеводной звездой». Инструкция эта до сих пор никем не отменена, да и не может быть отменена, ибо ее вдохновители продолжают оставаться у власти в Аргентине.

Вот почему приглашение Аргентины на Конференцию в Сан-Франциско является более чем сомнительным достижением. И приходится согласиться с обозревателем газеты «Нью-Йорк пост» Мaурером, который заявляет, что «решение об Аргентине является... поражением демократического дела». И безусловно правы те обозреватели, которые предостерегают против псевдодемократических рецидивов.

Это предупреждение приходится иметь в виду и при оценке австрийской проблемы. В Вене, освобожденной героическими усилиями Красной Армии, маститым австрийским общественным деятелем Карлом Реннером создано временное правительство. «Таймс» и другие влиятельные газеты признают следующее: «Создание свободного и представительного временного правительства Австрии является фактом, который следует приветствовать. Сформирование правительства Реннера находится в полном соответствии с решениями союзников, зафиксированными в московских декларациях, обещавших восстановить ... газеты не мо... без «но...», видите ли, не нравятся метод и темп создания австрийского правительства. Нам остается только выразить свое удивление по поводу столь явно противоречивой позиции «Таймс». Конечно, не приходится полемизировать с теми газетами, которые, критикуя формирование демократического правительства в Австрии, умалчивают о своем сочувствии в прошлом всякого рода дарланам. Не исключена, впрочем, возможность, что некоторые круги грустят по поводу провала планов Отто Габсбургского.

Среди газет, взявших на себя защиту «демократии» в Австрии, видное место занимают прогитлеровские газеты в США типа «Дэйли миррор» или «Нью-Йорк дэйли ньюс». Последняя решила даже возмутиться тем, что народ «линчевал Муссолини — энергичного, умного и храброго тирана», единственным недостатком которого, по мнению газеты, было лишь «чрезмерное самомнение». Конечно, мнение прогитлеровского подголоска не выражает мнения американского народа. Газета «Нью-Йорк таймс» писала о казни Муссолини: «Собачья смерть Муссолини является достойным завершением жизни этого негодяя».

Итальянский народ, итальянское правительство, как и все передовое мировое общественное мнение, одобрили суд итальянских партизан и выразили свое глубокое удовлетворение казнью Муссолини. И только газеты, руководимые явно реакционными побуждениями, могут возмущаться решительными действиями итальянских патриотов. У истинных сторонников демократии не могут не вызвать отвращения наглые выступления некоторых греческих газет, как, например, «Элликон эма» или «Эстиа», которые требуют наказания лиц, казнивших Муссолини. Не ясно ли, что эти газетенки по недоразумению называются демократическими. На самом деле это вульгарные фашистские подголоски.

НАБЛЮДАТЕЛЬ.

Эдмунда Залесского.

Война на Тихом океане

ЛОНДОН, 5 мая. (ТАСС). Как передает агентство Рейтер, штаб об'единенного командования вооруженными силами союзников в юго-западной части Тихого океана сообщает, что австралийские войска при поддержке авиации заняли японские казармы в западной части города Таракан (остров Таракан). На острове Лусон американцы закончили ликвидацию японских войск в районе Багуио и заняли два пункта в 6 милях к востоку от этого города.

ВАШИНГТОН, 5 мая. (ТАСС). Штаб тихоокеанского флота США сообщает, что утром 4 мая значительные силы японской авиации подвергли бомбардировке американские корабли у острова Окинава, потопив пять небольших судов и повредив несколько других.

В ночь на 4 мая японские войска попытались высадиться на западном и восточном побережье острова Окинава, но были отброшены.

4 мая базирующиеся на авианосцы американские самолеты совершили налет на северную часть острова Рюкю. В течение 4 мая над островом Окинава и островами Амами было сбито 96 японских самолетов.

Трумэн наложил вето на законопроект об отсрочках

ВАШИНГТОН, 3 мая. (ТАСС). Президент Трумэн впервые наложил вето на законопроект, который предусматривает предоставление почти всем сельскохозяйственным рабочим отсрочки от призыва на военную службу. Трумэн заявил, что «ни одна группа не должна пользоваться никакими особыми привилегиями». Трумэн указал также, что этот закон был бы несправедливостью по отношению к миллионам, уже призванным на военную службу, или тем, кому предстоит призыв, и нарушил бы основной принцип закона о призыве, запрещающего предоставление отсрочек различным группам или лицам в зависимости от рода их занятий. Трумэн указал: «Во время войны высшим долгом каждого гражданина является служение своей стране сообразно со своими максимальными способностями».

...пользоваться билетами возвращают их в кассу театра только до начала спектакля. Нач. в 7.30 веч.

ФИЛИАЛ БОЛЬШОГО ТЕАТРА — 6/V утро **«Тщетная предосторожность»** — спект., перенес. с 30/IV, билеты действительны — нач. в 12 ч. дня; 6/V вечером **«Севильский цирюльник»**. Нач. в 7.30 веч.

МАЛЫЙ ТЕАТР — 6/V утро **«Правда — хорошо, а счастье лучше»**, веч. **«Пигмалион»**. Нач. утрен. спект. в 12 ч. дня, вечерн. в 7.30 веч.

ФИЛИАЛ МАЛОГО ТЕАТРА — 6/V утро **«Комедианты»**, веч. **«В степях Украины»**. Нач. утрен. спект. в 12 ч. дня, вечерн. в 7.30 веч.

МХАТ СССР им. ГОРЬКОГО — 6/V утро **«Синяя птица»** (сп., перенесен. с 1/V); 6/V веч. **«Три сестры»**. Нач. утрен. спект. в 12 ч. дня, вечерн. в 7.30 веч.

ФИЛИАЛ МХАТ — 6/V утро **«Дядюшкин сон»** (сп., перенесен. с 1/V); 6/V веч. **«Пиквикский клуб»**. Нач. утрен. спект. в 12 ч. дня, вечерн. в 7.30 веч.

ЦЕНТР. ТЕАТР КРАСНОЙ АРМИИ — 6/V утро (спект., перенес. с 29/IV) — **«Ночь ошибок»**, веч. **«Копилка»**. Нач. утрен. спект. в 12 ч. дня, вечерн. в 7.30 веч.

ГОС. ТЕАТР им. Евг. ВАХТАНГОВА (ул. Горького, пер. Садовских, 10) — 6/V утро **«Слуга двух господ»** (перенес. с 30/IV); 6/V веч. **«Мадемуазель Нитуш»**. Нач. утрен. спект. в 12 ч. дня, вечерн. в 7.30 веч.

РЕПЕРТУАР КИНОТЕАТРОВ

на 6 мая 1945 года.

«ЧЕРЕВИЧКИ» — Метрополь, Москва, Колизей, ЦПКиО им. Горького.

«ЧЕЛОВЕК № 217». **«ОСВОБОЖДЕННАЯ ФРАНЦИЯ»** — Метрополь.

«ИВАН НИКУЛИН — РУССКИЙ МАТРОС» — Ударник.

«В ПОМЕРАНИИ» — Метрополь, Москва.

«КЕНИГСБЕРГ» — Москва.

МОСК. ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСЦИРК
Сегодня три представления
в 12 ч., 3 ч. дня и в 7.30 вечера.

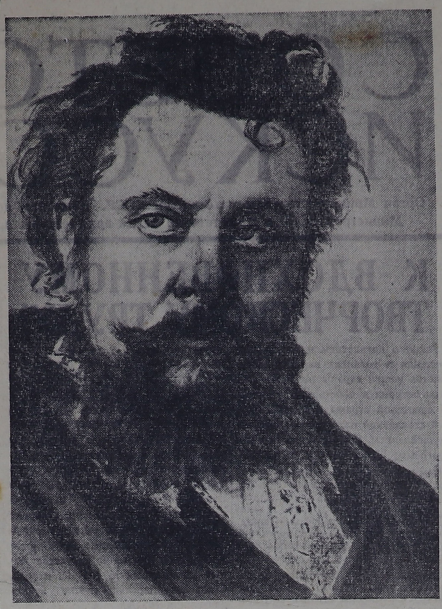
В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ НА ЭКРАНЫ КИНОТЕАТРОВ выпускается
американский художественный фильм

«ЭДИСОН»

Сценарий **Табольта Дженнингса и Бредбери Фута.**
Режиссер — **Кларенс Браун.**
Оператор — **Гарольд Россон.**
Музыкальное оформление — **Герберт Статгарт.**
В главных ролях: **Спенсер Трэси, Рита Джонсон, Дин Овермэн, Джин Райнольдс, Чарлз Кобэрк.**
Производство «Метро—Гольдвин—Майер»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСТВА: Москва, 6, Пушкинская площадь, 5. **Телефоны отделов редакции:** Для справок — К 4-77-96; Фронта — К 5-68-59 и К 3-39-70; Информационного — К 4-72-37; Экономического — К 3-58-35 и К 3-76-06; Сельского хозяйства — К 5-76-17; Советского строительства — К 3-98-77; Пропаганды — К 1-42-86; Литературы и искусства — К 0-57-27; Иностранного — К 3-91-08; Писем — К 3-75-17; Художественного — К 5-36-53. Издательство — К 5-23-20, К 4-75-06. **Приём об'явлений в Москве** — К 5-74-38, в Ленинграде — 36-78.

Б 12935. Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова. Пушкинская площадь, 5.



М. П. Мусоргский

О портрете работы И. РЕПИНА.

Игорь БЭЛЗА

Национальный гений

История учит нас, что все создатели подлинно бессмертных творений искусства были дерзновенными новаторами, опиравшимися на завоевания человеческой культуры и умножавшими их своими вдохновенными прозрениями, зачастую опережавшими вкусы и способность понимания современников.

История учит, что прогрессивность мастеров-реформаторов искусства рождается прогрессивностью их мировоззрения, полнотой ощущения жизни и единения с родным народом.

Один из величайших «открывателей новых земель» в необъятных просторах искусства, Модест Петрович Мусоргский был достойным сыном русского народа, раскрытию высоких помыслов и дерзновенных стремлений которого посвятил он всю свою недолгую жизнь.

Демократические идеалы русского общества шестидесятых годов ярко проявились в деятельности славного содружества отечественных мастеров Alma mater Мусоргского—«могучей кучки», в которой, по его собственным словам, «кипела новая жизнь, единились новые силы, мысли, обсуждались и ценились новые задачи искусства».

Эти новые задачи заключались прежде всего в поисках правды и народности в искусстве, понимаемой в самом высоком смысле этого слова. Как часто отсутствие внешних признаков национального стиля принималось за «космополитизм» в искусстве. Вспомним, например, как тщательно подчеркивалось иными музыковедами отсутствие фольклорных цитат у Моцарта и Скрябина. Но разве не был Скрябин гениальнейшим выразителем этического величия русского народа, создавая музыкальный образ Прометея-Огненосца, столь близкий и дорогой русскому искусству? И разве не оставался Мусоргский русским художником, работая над «Саламбо»?

Величие Мусоргского заключается прежде всего в том, что он в своем творчестве с потрясающей мощью подлинного гения раскрыл созданные и выстраданные нашим народом высокие идеалы человечности.

Эмоциональный диапазон творчества Мусоргского огромен—от трагедийных образов «Бориса Годунова» до острой сатиры романсов-пародий, от истового, страшного самосожжения раскольников до озорства «несравненной Хавроньи Никифоровны» в «Сорочинской ярмарке», сочинявшейся одновременно с «Хованщиной».

Постичь жизнь во всей ее полноте, зорким взглядом, чутким слухом ощутить прелесть солнечного восхода и лирического напева, звучащего в степной дали, проникнуться скорбью утраты, трагическим чувством смятения и раскаяния—все это дано было Мусоргскому-человеку и художнику.

Эта полнота восприятия жизни породила поиски новых средств выразительности, глубоко органичных и почвенных в своей тесной связи с русской художественной культурой.

«Вперед, к новым берегам» — этот девиз Мусоргского, ставший столь знаменитым, был призывом отнюдь не к оригинальничанью, не к формальным новшествам, а к овладению всеми теми сокровищами, которые открываются по мере углубления в сущность национальных средств выразительности русского слова, притом не только в пении, но и в свободно, естественно интонируемой речи. Мусоргский любовно изучал и записывал народные мелодии и вместе с тем вслушивался в гибкую, неисчерпаемо богатую русскую речь, претворяя интонации которой он создал свой несравненный речитатив.

«Хочу, чтобы звук прямо выражал слово»,—писал Даргомыжский о своих творческих стремлениях. А Мусоргский в письме к Голенищеву-Кутузову признавался: «Женитьба»—это посильное упражнение музыканта, или, правильнее, не-музыканта, желающего изучить и постигнуть изгибы человеческой речи в том ее непосредственном, правдивом изложении, в каком она передана гениальнейшим Гоголем».

О вслушивании своем в живую человеческую речь Мусоргский мог бы сказать словами Александра Блока: «И слушал я—и услыхал...». Ибо каждый музыкальный образ великого композитора отмечен своеобразием интонаций и индивидуальностью, к которой Мусоргский стремился не интуитивно, а сознательно, с мудрой настойчивостью мастера, точно определившего свою цель: «Хотелось бы мне вот чего. Чтобы действующие лица говорили на сцене, как говорят живые люди, но при том так, чтобы характер и сила интонации действующих лиц, поддерживаемые оркестром, составляющим музыкальную канву их говора, прямо достигали своей цели, т. е. моя музыка должна быть художественным воспроизведением человеческой речи во всех тончайших ее изгибах, т. е. звуки человеческой речи, как наружные проявления мысли и чувства, должны без утрировки и насилования сделаться музыкой правдивой, точной, но художественной, высокохудожественной».

В этих словах Мусоргского, относящихся к периоду работы над «Женитьбой» (письмо к Л. И. Шестаковой от 30 июля 1868 года), содержится предельно-лаконичное изложение реалистических принципов вокальной декламации, непосредственно почерпнутых из художественно обобщенного изучения «наружных проявлений мысли и чувства». Так воспринимал Мусоргский родную речь, стремясь к постижению не формально-структурных особенностей ее строя, а духовных богатств ее создателя—русского народа.

Именно в этих истоках следует искать не только интонационное, но и колористическое богатство музыки Мусоргского, поистине тембральное многообразие народного творчества—речевого, песенного и инструментального.

Мусоргский был смелым новатором не только в области гармонии и интонационного строя музыки, но и в области инструментального колорита, столь своеобразно проявившегося и в оркестровых партитурах композитора и в его фортепианном стиле. Достаточно вспомнить хотя бы гениальный цикл «Картинки с выставки», красочность которого покорила и Мориса Равеля и Леопольда Стоковского, оркестровавших этот цикл.

И в знаменитом вступлении к «Хованщине», и в «Ночи на Лысой горе», и в романсах Мусоргского чувствуется творческое проникновение в образы русской природы и русского эпоса. В этих сокровищницах поэзии и неумирающей красоты находил великий композитор истоки своего стиля, могучая выразительность которого и в наши дни являет пример чудесного слияния неустанно ищущего творческого гения

СОВЕТС
ИСКУСС

Орган Министерства Кинематографии СССР, Комитета по
Министров СССР и Комитета по делам архитектуры при

К ВДОХНОВЕННОМУ ТВОРЧЕСКОМУ ТРУДУ!

Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства нашей страны на 1946—1950 годы вступил в действие. Трудящиеся советской страны встретили новый сталинский план с огромным воодушевлением. Они приняли его как программу своей жизни и труда.

Коммунистическая партия учит нас, что планы осуществляются в результате живой и практической деятельности миллионов людей. И миллионы людей, весь советский народ, с большим под'емом уже приступили к осуществлению пятилетнего плана.

Советские люди отчетливо представляют себе небывалый рост хозяйства и культуры страны, который произойдет в результате выполнения пятилетнего плана, как благотворно отразится этот рост на жизни всего народа, на судьбе каждого гражданина страны. Сознание величия этих перспектив вдохновляет наш народ на упорный созидательный труд, на новые подвиги во славу Родины. Вместе со всем народом творческим под'емом охвачена и художественная интеллигенция. Она с радостью приступает к работе по созданию новых художественных произведений.

В годы трех первых сталинских пятилеток советское искусство неизмеримо выросло и возмужало. Значительные успехи были достигнуты в самых различных областях художественного творчества. Грандиозный культурный под'ем, который был обеспечен выполнением сталинских пятилеток, необычайно благотворно отразился на развитии нашего искусства.

Огромны достижения культуры и искусства всех братских республик Советского Союза.

Пятилетний план обеспечивает новый размах творчества советских художников.

Количество постоянных театров в стране в течение предстоящего пятилетия должно возрасти до 898, количество клубов и массовых библиотек в городе и деревне — до 284.900. Число киноустановок к 1950 году возрастет до 46.700 против 28.000 в 1940 году. Каждый районный центр и поселок городского типа будет обеспечен стационарными киноустановками. Значительно расширится киносеть в селах. В районах, подвергшихся немецкой оккупации, будут восстановлены разрушенные врагом школы, учебные заведения, научные учреждения, музеи, театры, кино, клубы, библиотеки и избы-читальни.

Новый пятилетний план открывает перед многонациональным советским искусством невиданные доселе перспективы развития. Это подымает патриотический дух нашей интеллигенции, зовет ее к новым творческим исканиям. Годы новой сталинской пятилетки будут отмечены творческими достижениями во всех областях искусства—театре, драматургии, кино, музыке, живописи и архитектуре. Творчество наших художников, вся их деятельность должны быть пронизаны неустанной заботой о росте и развитии советского искусства.

Новый пятилетний план требует серьезных усилий и в области художественного творчества, и в области организационной работы по искусству. Для того, чтобы создать новые театры, чтобы обеспечить вновь созданные учреждения искусства квалифицированными кадрами, для того, чтобы создать необходимый репертуар, нужно много работать.

Гигантский размах, которого достигнет в течение новой сталинской пятилетки культурная жизнь нашей страны, потребует приложения многих сил и талантов. Одной из решающих проблем осуществления пятилетнего плана в области культуры и искусства является проблема обеспечения новыми кадрами наших все растущих и расширяющихся творческих организаций и учреждений. Проблема кадров остро встает сейчас перед всеми областями нашего искусства. В новых актерах и режиссерах, в новых художниках нуждаются наши театры. Особенно остро стоит проблема кадров в кино. В связи с необходимостью расширения кинопроизводства и значительным увеличением количества выпускаемых фильмов, кинематографии понадобится немалое число творческих работников и производственников.

Приступая сейчас к осуществлению заданий новой пятилетки в области искусства, необходимо тщательно продумать и наметить пути планомерного решения проблемы творческих кадров. В нашем народе поистине непочатый родник талантов. И нам необходимо шире привлекать для работы в искусстве новых талантливых людей из народа. Столь же энергично нужно искать для наших учреждений искусства новых работников, обладающих организаторскими способностями.

Для того, чтобы выполнить намеченные планы, необходимы люди целеустремленные, вдохновленные на созидательный труд, хорошо знающие свое дело, постоянно стремящиеся вперед, к новым успехам. Именно таких людей необходимо привлекать и для работы в искусстве.

Помимо воспитания новых артистов, музыкантов, художников, архитекторов, режиссеров, искусствоведов в специальных высших и средних учебных заведениях, необходимо уделять серьезное внимание воспитанию кадров в самих театрах и других учреждениях искусства.

Между тем, есть еще у нас люди, которые не вполне сознают, что забота о новых кадрах является сейчас важнейшей частью их работы. Руководители театров и других учреждений искусства должны заботиться о том, чтобы члены художественных коллективов имели условия для плодотворного творческого труда, чтобы труд этот был хорошо, разумно организован. Так же существенно необходимо, чтобы руководители предприятий учитывали, что от правильного обеспечения культурных, бытовых и материальных потребностей работников во многом зависит и интенсивность их творческой работы.

Искусство и люди искусства всегда занимали почетное место в нашей стране. Сталинский пятилетний план предполагает всемерное обеспечение дальнейшего расцвета советской культуры и искусства, роста и расширения творческих организаций и учреждений.

В благородном творческом соревновании всей советской художественной интеллигенции за дальнейший рост и совершенствование нашего искусства развернут свои способности новые люди, обнаружатся новые таланты. Вместе с опытными мастерами искусства они отдадут все свои силы большой созидательной работе.

Вся советская интеллигенция должна выступить в поход за новые успехи нашей культуры и искусства. Жизнь нашего народа — творца и созидателя, его подвиги превосходят все, что когда-либо знала история. И только большие, вдохновенные произведения искусства могут достойно отразить эту жизнь и подвиги. Мастера советского искусства обязаны стремиться к созданию высокохудожественных произведений, посвященных современности. Этих произведений должно появляться все больше и больше. Повышение интенсивности творческой работы, уровня художественного мастерства — вот задачи сегодняшнего дня. Только большое искусство может решить задачи, которые ставит перед ним богатая и содержа-

---

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХ

О награждении академика Гра

За выдающиеся заслуги в области
ного искусства и подготовки кадро
с 75-летием со дня рождения, награди
нуиловича орденом **Ленина**.

Председатель Президиума Верховн
Секретарь Президиума Верхов
Москва, Кремль. 25 марта 1946 года

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХ

О награждении Казахского гос
орденом Трудового К

За выдающиеся достижения в р
искусства, в связи с 20-летием со дня
государственный театр драмы орденом

Председатель Президиума Верховно
Секретарь Президиума Верхов
Москва, Кремль. 25 марта 1946 года.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХ

О награждении Киевского госуд
УССР имени Леси У

HERALD TRIBUNE, WEDNESDAY, JAN

In 1950...for the third

Look led all

ERALD TRIBUNE, WEDNESDAY, JANU

Nehru

(Continued from page one)

previous equilibrium there. Many difficulties that have arisen since are due to non-recognition of that fact."

He said non-recognition was construed by the Chinese as an insult to their government and as "a kind of preliminary to future conflict." That being the case, he argued that recognition would contribute to peace.

Possibly referring to recent statements by President Truman, he went on to say:

"There is far too great a tendency in the world today to condemn others, maybe with reason, but it does not help when you are not convincing anybody else and are only angering them. We in India have tried to follow the policy of trying to keep on friendly terms with others, and if a conflict arises we try to deal with it in a friendly way."

Liaquat Ali Khan, Prime Minister of Pakistan, at a later press conference accused Mr. Nehru of rejecting a peaceful settlement of the Kashmir dispute and of seeking a solution by force of arms.

Mr. Nehru replying to Liaquat Ali Khan's charge that India refused to withdraw its troops from Kashmir, said that such withdrawal could be achieved only "with strict regard to the security of the state against a recurrence of the kind of tragedy that the Vale of Kashmir suffered in 1947." [Pakistan tribesmen invaded Kashmir in that year.]

Mr. Nehru, in advancing his conciliatory approach to Communist China, carried it to the point of declaring that he does not consider the invasion of Tibet as a military threat to India. He said India cannot and does not propose to interfere.

He also had a friendly word for Russia. Replying to a question, he said he was not aware of Soviet influence in Southeast Asia. He admitted there are certain Communist movements in some countries, but he maintained there is no direct or indirect Soviet influence.

As for France, which he will visit tomorrow for a conference of Indian Ambassadors in Europe, Mr. Nehru said that its policies in Indo-China during the last two or three years had been unfortunate. He again pleaded the cause of independence for colonial peoples by saying that Indo-China should be free from any external control.

Commenting on proposals to rearm Western Germany, he said, "They bristle with difficulties." He added: "One has to find some kind of balance between an approach to peace and the preparation for war."

He said he did not intend at present to visit Moscow or Peking, but "if the necessity arose and if it was thought it would serve any useful purpose I would travel to the ends of the earth."

"Pravda" on a Cease-Fire

MOSCOW, Jan. 16 (AP). — "Pravda" today described the new United Nations Korean cease-fire plan as a device by which the United States intends to gain time to reinforce and reorganize forces in Korea.

The Communist party organ, in the first extended Soviet press comment on the plan, quoted its Lake Success correspondent that the United States has no intention of ending the Korean war. On the contrary, "Pravda" correspondent G. Rassadin wrote that the United States was guilty of bad faith and duplicity in agreeing to the plan.

"Pravda" pictured the State Department as having been given the task by American generals of delaying Korean hostilities by any diplomatic means whatsoever in order to give time for reinforcements to reach Korea.

ВО ИМЯ ЭТОЙ КРАСОТЫ

Мартирос САРЬЯН,
народный художник СССР

□ □

БОЛЬШЕ ВСЕГО на свете я люблю солнце. Я любил его больше всего даже в далекие годы юности, когда еще ни во что не ставишь чудесные дары природы. С ним связана моя жизнь, все мое творчество. Ибо все, что я любил и люблю, все, что меня восхищало и радовало, все, что я писал и пишу,— все это рождено солнцем, согрето его теплом. Когда я смотрю сейчас на картины моей творческой юности через многогранную призму времени, многое мне в них порой кажется несовершенным. И тем не менее радостно, что за долгие годы жизни в искусстве я не изменил своему кумиру — солнцу.

Любить его — это значит любить мир, любить землю и все, что на ней обитает. И люди — дети яркого светила. Не любить их нельзя. Художник — счастливейший из смертных. Ему даровано великое умение воспевать природу и людей, постоянно напоминать человечеству о том, что природа добра, что она призывает нас жить в мире и в согласии.

Мне уже 86. В жизни случалось встречать и злых людей, огорчаться и жестоко переживать за родных и близких, разделять тяжелые судьбы своего народа. Но вера в добрые начала человека никогда не покидала меня. Человек рожден на свет для добрых дел — вот в чем великая сущность гуманизма, вот каким мне представляется кредо истинного художника. Отсюда и следует подходить к понятию гражданского долга поэта и живописца.

Я никогда не перестаю удивляться природе. И этот мой восторг перед солнцем и весной, перед цветущим абрикосовым деревом и величием гор-исполинов я пытаюсь изобразить на холсте. Как это мне удается, судить другим. За последние годы критика удостоила мое творчество множеством похвал и лестных отзывов. Разобраться во всем, что пишут о нас, художниках, искусствоведы, мне представляется трудным делом. Зачастую художник остается прежним, а публикуемые о нем отзывы резко меняются. Мне часто казалось, что всякий критик в первую очередь обращается не к самому художнику, а к широкой читательской массе. Это, право, не значит, что я против той, не лишенной юмора мысли, что и нам, живописцам, критик «строить и жить помогает». Но когда читаешь до скрупулезности «исчерпывающий» анализ своего творчества, порой диву даешься: откуда все это?

В искусстве не надо мудрствовать лукаво. Это касается не только тех, кто пишет об искусстве, но и тех, кто в нем подвизается. Величие настоящего искусства заключается в той мудрой простоте, которой отмечено все наше бытие, наше восприятие окружающего мира. Строго говоря, термин «настоящее искусство» сам по себе лишен всякого содержания. Он вошел в обиход в начале нашего столетия, когда на свет появились новые направления и новые школы с неизменным окончанием на «изм». А ведь ненастоящего искусства быть не может, как не может быть ненастоящего солнца, ненастоящей воды, ненастоящего воздуха. Все, что идет не от сердца, не от чувств, не может быть признано живописью. Поэтому все и всяческие споры о картине, лишенной «головы» и «ног», представляются мне суетой праздных людей.

Живопись должна не только вызывать споры, она должна волновать человека, приближать его к земле и солнцу. Если картина не волнует, не вызывает хороших, добрых побуждений, то, значит, в ней нет главного — вечного дыхания жизни.

В самом слове «живопись» заложен великий смысл, который исчерпывающе определяет истинное предназначение этого искусства. Живописать — воспевать живое, вечное, красивое. Вот почему мертвая схема и надуманные приемы письма, уродующие форму и выхолащивающие содержание того, что окружает человека, не могут быть причислены к живописи. Лишать природу ее многообразия и многокрасочности, разлагать ее на составные элементы, подменять живое мертвым символом, пятном или геометрической фигурой и выдавать все эти упражнения за творчество по меньшей мере неразумно. В своей повседневной лабораторной работе живописец, оттачивая чувство линий и плоскости, может посвятить таким упражнениям десятки холстов. Он вправе выставить эти холсты и для всеобщего обозрения, если ему хочется удивить коллег удачным решением опять же сугубо технологической задачи. Но выдавать технологию за искусство, да еще наделять его такими эпитетами, как «новое» или «современное», — это бессмысленно и вредно.

В этой связи очень спорным мне представляется и термин «современное искусство» в его обычном понимании. Представителями современной живописи являются Гуттузо и Пикассо, Сергей Герасимов и Дейнека, американец Уайес и такой, казалось бы, «сверхреалист», как итальянский художник Григорий Шилджян. Все они, несмотря на разную манеру письма или, как говорят, различные школы, почитаются современниками, их искусство находит живой отклик в народе. Следовательно, современно не то, что родилось как явление в наше время, а то, что признано современниками. В этом смысле современны и пейзажи Куинджи, и полные жизни картины Мурильо, и яркие полотна Ван Гога, ибо все возвышенное, все близкое природе человека непреходяще, вечно, как вечны Природа и Жизнь.

Хорошо известно, что жизнь представляет собой постоянный процесс движения и развития. Но все ли из нас помнят об этом процессе, задумываются над ним? Те, кто пытается разложить творчество художников по полочкам, строго систематизировать их порыв и вдохновение, должно быть, забывают о том, что в нашем мире все течет, все изменяется. Любители такой систематики сначала приколачивают к полотну художника бирку с каким-нибудь «измом», а затем возносят или, наоборот, выносят ему порицание. Любителей такого подхода к творчеству немало. Они завелись даже среди тех, кто сам берет палитру в руки. Импрессионизм? — хорошо. Натурализм? — плохо. Реализм? — а мы еще посмотрим?! Сейчас стало модным ругать «натуралистов». Причем, никто толком не знает, что это такое. Еще сорок лет назад мне довелось в Париже побывать на выставке натуралистов. Организаторы ее сами себя так величали. Должно быть, они считали неудобным представляться публике «некрещеными». А между тем среди этих «натуралистов» оказалось немало талантливых, интересных живописцев, влюбленных в жизнь, в человека. Их творчество отличалось простотой, доступностью и искренностью. Было очевидно, что эти люди правдиво выражали свое отношение к действительности.

Строго говоря, все направления в живописи, даже самые что ни на есть неестественные, где-то в своей основе, в своем зародыше отталкиваются от реального бытия. Человек не может окончательно порвать с природой, уйти от самого себя. Другое дело, когда он переворачивает эту природу наизнанку и, как иной живописец, уродует гармонию жизни, создает диссонанс ради своей прихоти. Духовная жизнь людей, как и все остальное в природе, подчинена закономерностям. Здесь также происходит процесс естественного отбора. Потому-то безвкусица сама себя пожирает. Поэтому канул в вечность кубизм, которым увлекались и большие художники. Давно забыты и другие надуманные направления «художественного» творчества.

Живопись и живописцы — земные создания. Попытка уйти от реальности, продолжить поиск в какой-то иной сфере, или, как говорят математики, в другой системе координат, приводит живописца к символизму, абстракционизму и в конечном итоге к пессимизму. А между тем нам, художникам, нельзя не быть оптимистами. Художник — певец жизни, а жизнь отрицает зло. Долг художника — пропагандировать любовь к природе, к человеку, к труду.

МЕНЯ нередко спрашивают, как я нашел себя в искусстве, как я создал свой собственный почерк, свою манеру письма. [illegible] влия[illegible] школ[illegible] ний. П[illegible] такие [illegible] меня ставят в тупик. Я [illegible] всего задумываюсь над всем[illegible] Для меня важно другое — [illegible] творчество, удовлетворение по[illegible] янной потребности выражать свои чувства в красках, в образах. Мне кажется, что настоящий, искренний художник не уделяет времени рассудочным поискам каких-то форм и направлений. Он изображает жизнь, природу такой, какой ее видит и чувствует.

ЯСНО, что каждый живописец воспринимает мир по-своему. Это зависит не только от того, что у людей неодинаковые способности чувствовать цвет и форму. Дело еще в том, что сама природа не одинакова. У нас в Армении, например, солнце какое-то особенное, не такое, как в других, даже южных странах. Смотришь порой на ярко освещенные цепи гор и дивишься многообразию оттенков: от светло-голубых вершин до густо-фиолетовых склонов. Когда все это богатство красок переносишь на полотно, многие удивляются: разве бывают фиолетовые горы? В том-то и дело, что бывают не только фиолетовые, но и багровые горы, как бывают по-настоящему свинцовые тучи и черные волны. Значит, секрет творчества художника в том и заключается, что он лучше других видит и острее других чувствует многообразие жизни. Главное для него — увидеть, разглядеть, прочувствовать, а уж потом излить все обилие чувств и впечатлений на полотно. Отсюда, от различного видения природы и ощущения ее красок, и возникает различие стилей, почерков письма. Для меня, например, мой собственный почерк и метод кажутся обычными, предельно близкими духу армянской природы. Они, наверное, ею самой и подсказаны: здесь и резкость переходов, и контрастность тонов, и обилие солнца. То же на первый взгляд «неправдоподобное» изображение природы мы видим у Рериха, у Рокуэлла Кента и у очень многих других живописцев, влюбленных в натуру. Это своеобразие, самобытность творчества живописцев, их умение улавливать все оттенки и особенности природы и времени помогают людям полюбить природу и приблизиться к ней, лучше разглядеть друг друга, лучше познать жизнь и обычаи разных народов. Потому-то мы и говорим, что искусство сближает людей, выполняет великую миссию пропагандиста жизни и созидания.

Мне хочется закончить свои заметки тем, с чего я начинал. Мне хочется опять сказать о солнце, о земле, об удивительном творении природы — человеке. Это он постиг законы бытия, напоил пусты[illegible] влагой, устремился ввысь, в кос[illegible] ческие дали. И здесь открыл[illegible] не только новые тайны приро[illegible] но и величавая красота род[illegible] планеты, и красота разумных [illegible] ний человека. Во имя этой кр[illegible] ты надо жить и работать не [illegible] кладая рук.

ЕРЕВАН.

…УПАЮЩИМ В ЖИЗНЬ

А. КОРОБЧАНУ,
заместитель Председателя Совета Министров Молдавской ССР

…выпускные экзамены в школах. …ро еще одно поколение всту… самостоятельную жизнь.

…нынешнем году выпуск из общеоб…вательных школ будет, как никогда, …гочисленным. Только в нашей рес…публике восьмилетние и средние школы окончат почти 120 тысяч человек. И, конечно, сейчас каждый из этих молодых людей обдумывает свои планы на будущее. Учителя рассказывают, что многие ребята собираются сразу после школы пойти на стройки, заводы, фермы, в полеводческие и тракторные бригады. Там с радостью встретят молодое пополнение, помогут овладеть специальностями, охотно поделятся своими знаниями. У наших производственных коллективов есть уже большой опыт подготовки и воспитания молодых рабочих, механизаторов, виноградарей, хлеборобов...

И все же мы не можем пустить на самотек это большое государственное дело. Уже сейчас мы должны позаботиться о судьбе каждого выпускника, узнать, куда он пойдет, чем будет заниматься. Недавно все эти вопросы детально обсуждались на республиканском совещании партийных и советских работников, руководителей народного образования, высших учебных заведений, министерств, предприятий, ведомств. В результате был разработан план трудоустройства будущих выпускников. Не менее 90 процентов окончивших городские восьмилетки продолжат учение в средних школах. Ведь при современном развитии науки и техники каждому производственнику требуется все больше знаний. Постепенный переход к всеобщему среднему образованию предусмотрен и Директивами XXIII съезда КПСС по новому пятилетнему плану. А готовиться к этому надо уже сейчас. Вот почему в новом учебном году в нашей республике число учащихся девятых классов предполагается увеличить на 11.700 человек. В связи с этим многие восьмилетки будут преобразованы в средние школы, сформированы дополнительные девятые классы в десятилетках. Разумеется, понадобятся новые классные комнаты, кабинеты, мастерские и, конечно, преподаватели. Исполкомы городских и районных Советов изыскивают дополнительные средства, подбирают кадры, заказывают необходимое оборудование и учебные пособия. Большую помощь в этом отношении оказывают колхозы республики. За их счет к началу нового учебного года будут построены десятки школьных помещений на 58.000 мест.

Значительно расширится прием в высшие и средние специальные учебные заведения. На первые курсы дневных, вечерних и заочных отделений вузов будет принято дополнительно 890 студентов, а в средние специальные училища и техникумы 2.400 человек.

На наших предприятиях и в сельском хозяйстве не хватает специалистов со средним образованием. Поэтому Советом Министров республики принято постановление открыть четыре новых техникума — строительный, промышленно-экономический, индустриальный и коммунального хозяйства. В будущем году предполагается создать финансово-кредитный техникум. Будет увеличен прием учащихся в совхозы-техникумы. Эта новая форма подготовки специалистов в условиях, близких к производственным, вполне оправдала себя, и мы думаем впредь расширять ее и поддерживать.

В новой пятилетке для нашей промышленности, строек, колхозов и совхозов понадобятся десятки тысяч квалифицированных рабочих, строителей, механизаторов. Поэтому особое внимание мы обращаем на увеличение сети профессионально-технических училищ. Намечается открыть новые училища промышленного, сельскохозяйственного, автомобильного и торгового профиля. Возрастет прием и в действующие училища. Сейчас принимаются меры улучшения их материальной базы. В ближайшие годы будет построено одиннадцать общежитий, девять учебных корпусов, новые учебно-производственные мастерские.

ВЕСТИ ХОЗЯЙСТВО ЭКОНОМИЧЕСКИ ГРАМОТНО

ОТ ПЕРЕМЕНЫ СЛОВ В НАЗВАНИИ...

ХОРОШЕЕ, энергичное это слово — прогресс. Оно всегда очень подходит к первопроходцам, тем, кто открывает новое. Не случайно первую в стране фирму, возникшую во Львове четыре года назад, назвали этим словом.

Но вот 22 января 1966 года новое Министерство легкой промышленности Украины, занятое упорядочением наименований подчиненных предприятий, предписало отныне называть фирму так: «Обувное объединение № 1 «Прогресс». А недавно пришел еще один документ министерства уже с другим названием: «Львовское объединение обувных предприятий № 1 — фирма «Прогресс».

От перемены слов в названии многое меняется. Мы потому столь подробно говорим о метаморфозах с наименованием «Прогресс», что они прямо-таки символически отражают сложные процессы, происходящие во взаимоотношениях между фирмами и министерством. В пору перехода к отраслевому принципу руководства промышленностью кое-кто скептически отнесся к возможностям фирмы в новых условиях. Все это напоминало те споры, что возникали еще у их колыбели. Тогда говорили и о недееспособности: как это, дескать, так, что в единый организм сливаются разные предприятия — передовые и отстающие. Возражали против самого слова «фирма», хотя оно означает «прочный и надежный» и созвучно требованиям нынешнего дня.

Повышение эффективности производства, рентабельности, прибыльности предприятий — эти понятия сейчас, после XXIII съезда партии, крепко вошли в нашу жизнь, знаменуя главное требование, которое предъявляется на нынешнем этапе экономике.

…ма выйдет на отметку 7,5 миллиона. За это же время фирма не построила ни одного квадратного метра дополнительной производственной площади. Вот это и есть борьба за повышение эффективности за счет лучшего использования основных производственных фондов.

Главный инженер «Прогресса» А. Штерн рассказывает:

— Нашей фирме достались в наследство более двух тысяч квадратных метров неиспользуемой площади. У маломощных предприятий не хватило сил распорядиться ими, не было средств, чтобы купить оборудование. Первый же наш шаг — загрузка этих площадей.

Речь идет не просто о загрузке какими угодно операциями. Мы сразу же стали осуществлять предметную специализацию, о которой до организации фирмы только разговоры велись. Благодаря этим и другим мероприятиям мы смогли так поднять фондоотдачу.

НО НЕ ТОЛЬКО эффективность производства служит оценкой работы предприятия. Сейчас, в период хозяйственной реформы, огромное значение имеет рентабельность производства, его прибыльность. Как же с этой точки зрения выглядят фирмы, насколько результативна в этом смысле такая форма управления предприятиями?

Обратимся к результатам, достигнутым швейной фирмой «Маяк». В пору ее создания — в 1962 году — каждый рубль товарной продукции дал 13,6 копейки прибыли. В прошлом году объединение получило по 15,8 копейки. Цифры комментирует главный экономист «Маяка» А. Лямцева:

— 90 процентов себестоимости у нас составляет сырье. Поэтому применили более экономичные раскладки тканей, упорядочили нормы расхода. Укрепленные службы фирмы сосредоточили свое внимание на экономичности моделей, отказавшись от старых настроений: «что бы ни заказали — будем шить». Устарев…

…нения и решения проблемы специализации мы значительно выиграли. На площадях, освобожденных от однородных процессов, установили оборудование, увеличили выпуск продукции на 40 процентов.

Мы привели здесь высказывания сведущих людей. Все они сходятся на том, что в условиях крупного отраслевого комплекса — фирмы практически осуществимо ленинское требование: «...чтобы управлять, нужно быть компетентным, нужно полностью и до точности знать все условия производства, нужно знать технику этого производства на ее современной высоте...».

Вот почему громадное значение приобретает сейчас то, как министерства руководят фирмами. Первое время брали верх скептические настроения. Тогда-то и исчезло из полного наименования «Прогресса» слово «фирма», хотя оно нашло признание покупателей. Тогда-то стали давать знать о себе признаки мелочной опеки, когда некоторые главки Министерства легкой промышленности УССР рассылали указания на филиалы, минуя штаб фирмы.

А потом «Прогрессу» вернули слово, с которым он, собственно, появился на свет. И это в немалой степени означало признание министерством фирмы, очень правильное и необходимое. Об этом же свидетельствует и тот факт, что обувная львовская фирма уже дважды за последнее время завоевывает первенство в социалистическом соревновании по республике.

Львовские фирмы-«старожилы» уже начинают ощущать эффект отраслевого руководства. Раньше коллектив «Прогресса» рассчитывал только на сырье в основном из своего экономического…

…жается, и бывает так, что этому подчас противостоят местнические настроения. Работает, допустим, в городе маленькая швейная фабрика, которая в нынешнем своем состоянии не может решать те задачи, что поставила пятилетка перед легкой индустрией. Поэтому возникает вполне разумная мысль превратить ее в филиал фирмы и таким путем специализировать, технически переоснастить, вывести на уровень выпуска изделий высокого качества. Но тут нередко протестуют руководители города: «Это наша фабрика, пусть хилая, пусть плохая, но наша». Такой подход не отвечает духу времени, он мешает министерству следовать железной букве общегосударственной экономической целесообразности, последовательно осуществлять отраслевой принцип руководства.

Всем известно, что отраслевой принцип руководства получил признание. И раз мы следуем ему, надо всегда и прежде всего учитывать экономическое, а не узкоместническое «обоснование». Ведь ничего не случилось (наоборот, получена известная польза) от того, например, что Теребовлянская обувная фабрика в Тернопольской области уже более четырех лет работает в составе львовской фирмы «Прогресс», а в другом случае — Львовская меховая фабрика стала филиалом фирмы «Тисменица», расположенной в соседней Ивано-Франковской области. Так рассудила экономика, которой мы присягнули, выступать против которой с местническими тенденциями равносильно тому, что действовать здравому рассудку вопреки.

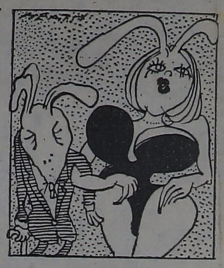
ДА, ФИРМЫ поддерживает практика. Они получили одобрение в решениях сентябрьского Пленума ЦК партии как предприятия, где наряду со многими преимуществами крупного производства можно более разумно использовать квалифицированные кадры, создавать благоприятные условия для совершенствования руководства.

BOOKS

My Bunny lies over the ocean

THY NEIGHBOUR'S WIFE by Gay Talese/Collins £7.95 pp 568

John Mortimer



that the test of obscenity in the Supreme Court was that which could produce a state of sexual arousal in Justice Felix Frankfurter, which is why, as Justice Frankfurter grew older, the test of obscenity became noticeably more lax.)

All these noble aspirations and enlightened Judges, these martyred publishers and suffering authors, have struggled merely, so Mr Talese would have us believe, towards the Great Vision of Dr Alex Comfort, bespectacled, naked and smoking a cigar, picking his way among the heaving bodies at a wife-swapping evening in Topango Canyon; or to Mr Hefner drinking gaseous gallons of Pepsi Cola and dictating, from the revolving bed in his Chicago mansion, the ludicrous platitudes of the "Playboy Philosophy"; or finally to the character whom our author, in a fit of permissive schizophrenia, calls "Talese," being sprayed with Johnsons Baby Powder before receiving a hand job in a massage parlour. Those who will protest, with justification, that it all seems a bit of an anticlimax must accept that it is probably no worse than the world's greatest democracy, dedicated to life, liberty and the pursuit of happiness, being reduced to a pathetic choice between President Carter and Mr Ronald Reagan.

Mr Talese may well have been appallingly right to take the story of Playboy and its publisher as the centre of American sexuality. Playboy sex is eroticism with a button-down collar, it is listening to "Frank Sings South American Way" while showering, cleaning the teeth and searching for the condom in the pigskin container. It is what is dreamed of by the delegates at a thousand machine parts conferences in Mid-West Hiltons as they wash their nylon socks in the hand basin or brush their light-weight Terylene suits. The girls are healthy cheer leaders who develop into hard working executives. One of the acts of love described by Mr Talese concerns a visit by a Mr Bullaro to a congress of Insurance Operatives in a Palm Springs hotel. There he met an agent called Cramer, short hair, bespectacled, no doubt with a plastic name card clipped on to the lapel of the business suit. Cramer complained of a headache, followed Bullaro to his bedroom when he went to fetch a helpful aspirin and then leapt astride him saying that a better cure was "a good lay." In this story Insurance Agent Cramer is, of course, a lady, and the personification of the Playboy Executive's Dream of Sex.

Mr Hugh Hefner is the natural leader of this All-American Dream Party. Like Howard Hughes he seems to have rarely bothered to climb out of his pyjamas, like President Nixon he jetted nervously from his headquarters to Playboy Mansion West in Los Angeles. In both of his residences he kept a principal Bunny, and when, owing to an article in Time, these two learned of each other's existence, the fur began to fly. Emotions of jealousy and possessiveness started to clog the well-oiled world of the private jet and the revolving bed. The Chicago Bunny left home and Hefner pursued her to the doorstep of one of her girlfriends, where he appeared with an overcoat pulled on over his pyjamas, his hair unbrushed and his face haggard, flanked by bodyguards and clutching a bottle of Pepsi.

This terrible excursion into the world of reality was all in vain and Karen Christie, the favourite Chicago Bunny, left the warren forever. There was a final scene at which the enraged Hefner, walking towards the black-painted Playboy plane, to the air-borne Bunnies in black skin-tight uniforms, and to his friends wearing open-necked shirts, hairy chests and golden medallions, threw his leather-bound executive-style briefcase onto the tarmac and leapt upon it, stamping it to pulp. It is a final, unforgettable picture of the President of the Permissive Society, driven to fury and despair by the mysteries and inconveniences of love.

A family & its fortunes

Margery Fisher welcomes a new edition of Barbara Willard's children's classic*

HISTORY does not dwell only in text books. Fortunate the child who is encouraged to build on a solid substratum of date and statement, with the help of reliable historical fiction, a feeling for the past and for its relevance to the present. The events and issues of the Wars of the Roses can seem both confusing and distant to a 12-year-old; fiction can suggest what those years meant in terms not of kings and power politics but of ordinary people.

The Lark and the Laurel and **The Sprig of Broom** describe the troubled fortunes of four individuals—a woman unhappily matched to a bastard Plantagenet by her ambitious brother; her gently bred niece, tied by a child alliance by this same turncoat; the partner in that alliance, a boy who lost his inheritance because of the danger of association with a proclaimed traitor; finally, a boy, base-born son of Richard III.

History comes to life in the relationships of these four people. Dame Elizabeth Fitz-Edmund held the manor of Mantlemass, in East Sussex's Ashdown Forest, direct from the crown in perpetuity, as widow of a Plantagenet. When Henry Tudor became King of England, her treacherous brother Thomas Jolland fled the country, leaving his daughter Cecily with her aunt. The contract made in Cecily's childhood with Lewis Mallory as a political manoeuvre was confirmed by inclination, and with the establishment of the couple at Mantlemass the family dynasty began.

Each successive generation, facing crises caused by disputes over inheritance, personal animosities or natural accidents, is affected also by national events. Just as Cecily Jolland and Lewis Mallory had to find new directions because of the claims and counter-claims of York and Lancaster, so the closing of two particular monastic foundations affects Piers Medley's happiness and livelihood, while armaments and spies in Elizabeth's reign and the shifting balance of power under Charles I and Cromwell determine the course of life for his descendants.

Public and private history are woven together in scenes that reflect the passing of the seasons in a community which stands by the old festivals, the old husbandry, the old forms of speech. Behind the expanding family at Mantlemass, humbler folk have their own continuity; gradually, as family rights and leadership change through seven generations, so the forest with its iron-workings and agriculture marks a changing world. Undrained marshes and overgrown paths help Cecily to escape her father's last attempt to dominate her life, while Dick Plashet, hiding his royal blood in a forest name, earns a living as a guide through its hidden ways. By the time the family has declared for Parliament, there are wide roads for the moving of guns. A careful historical geography is part of the intuition of the past with which Barbara Willard controls her use of Sussex dialect and directs her knowledge of domestic custom.

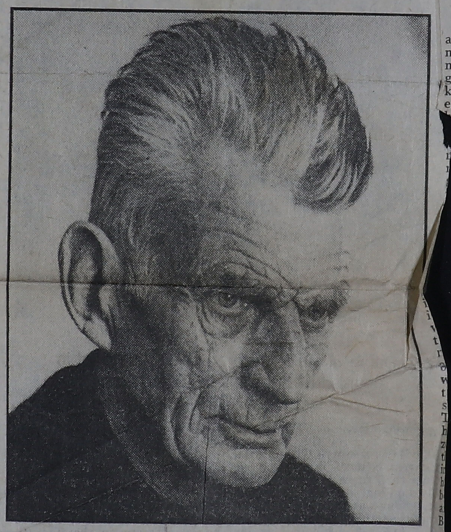
The publication of a uniform edition of the Mantlemass novels confirms their importance. It also emphasises the generous scope and careful structure of the cycle. Certainly each book is self-contained, with only the essential amount of recapitulation. But there is a special point for our times in following the fortunes of individuals over two centuries of enormous changes in ideology and politics. Family traits may recur and be recognised, and there is space to show character in growth rather than statically. To watch the young Lilias Rowan as a girl, to see her take hold of her life as the mature Lilias Godman and almost to ruin it in old age, is to perceive in historical context a universal truth that needs constant repetition. The Mantlemass novels, warmly written, closely argued and richly detailed, are published in the junior book market, but they invite anyone interested in a personal appraisal of the past to a notable pleasure.

The Mantlemass novels: The Lark and the Laurel; The Sprig of Broom; The Eldest Son; A Cold Wind Blowing; The Iron Lily; A Flight of Swans; Harrow and Harvest/Kestrel £4.50 each

FICTION 1: The bare horizon of Samuel Beckett

COMPANY by Samuel Beckett/Calder £5.50 pp 89

Bernard Levin



A NEW novel by Beckett (well, at 10,000 words not a novel, hardly even a novella, let us say a novellina) is an opportunity for, above all, seeing whether his long retreat continues. I put it like that because I am of the Dobsonian school that regards "Waiting for Godot" as a play by some kind of Christian, even *malgré lui;* moreover, some of his work since (such as the minimalist "Act Without Words," in which the figure in the sack is repeatedly prodded awake and forced to make progress, or the character of Pim who has been reduced to the condition of a planarian worm, but—like that enigmatic beast—retains just enough inexplicable consciousness to be conscious of its identity) has suggested that the spark is not yet finally extinguished, that Beckett still limits at any rate the possibility that the universe is not entirely without meaning.

The spark, however, has undoubtedly been growing fainter; "Footfalls" seems to indicate its complete disappearance; what, then, of Company? Beckett, as always, will keep his own counsel; but I can see only one possible interpretation of it, which is that he has now inspected the human condition from every possible angle, and come finally to the conclusion that it is irremediably absurd.

This is by no means apparent at the beginning of the book, nor does it become apparent abruptly. At first, the narrator ("A voice comes to one in the dark . . . one on his back in the dark"), who exists only in the second or third person, never in the first, seems to be in the condition of Pim but with more to go on; his consciousness extends for a considerable distance around him spatially, and even further chronologically, as his childhood is vividly recalled, with scenes of pastoral contentment described between passages of the narrator's bleak reality.

The voice that comes to "one on his back in the dark" represents the title of the book, and there is a constant search for *more* company within the barren confines of the narrator's present condition. First, he considers the possibility that there is another human being present, and that the voice is addressing that one, rather than him: "If he is alone on his back in the dark why does the voice not say so?"

But the possibility is rejected, as are even the less cheerful ones—a live fly and a dead rat—and he comes to the conclusion that he is indeed alone, his only company the voice. The voice itself represents an advance, for it was not always with him:

> Slowly he entered dark and silence lay there for so long that with what judgment remained he judged them to be final. Till one day the voice. One day? Till in the end the voice saying. You are on your back in the dark. Those its first words. Long pause for him to believe his ears and then from another quarter the same. Next the vow not to cease till hearing cease. You are on your back in the dark and not till hearing cease will this voice cease.

The catch in that is obvious; when this voice ceases, hearing (i.e. existence) *will* cease. And of course it does, its cessation made the more painful, or at any rate the more empty, by the colour in the scenes of remembered childhood:

> You are alone in the garden. Your mother is in the kitchen making ready for afternoon tea with Mrs Coote. Making the wafer-thin bread and butter. From behind a bush you watch Mrs Coote arrive. A small thin sour woman. Your mother answers her saying. He is playing in the garden. You climb to near the top of a great fir.

The technique is as good as ever; better, even. For gradually, the two conditions—past alive and present dead (perhaps, though it is impossible to be certain, literally dead)—come together. The past becomes more and more meaningless, the remembered scenes repetitive and without conscious aim, and the voice, his only present company, fading now, this time surely for ever. The hinge, if it is not absurd to use so solid a metaphor for Beckett's elusive art, is the childhood scene (the only one to give him a lasting feeling of satisfaction) in which he rescues a hedgehog from the cold, only to discover ("You have never forgotten what you found then") that his intended kindness was the very reverse. A last effort of consciousness brings back a more recent memory, when "you" were not lying on your back in the dark, but at least sitting up, but it is the last flicker of the flame:

> Till finally you hear how words are coming to an end. With every inane word a little nearer to the last. And how the fable too. The fable of one with you in the dark. The fable of one fabling with you in the dark. And how better in the end labour lost and silence. And you as you always were.
>
> Alone.

The voice, then, was presumably his own all along. Beckett may find the universe without meaning, but he does not altogether absolve mankind from a kind of responsibility within the emptiness. There is no room for heroic gestures, a conclusion [illegible]ated literally in "Happy [illegible] Winnie sinks up to her [illegible] but Winnie is

FICTION 2: The new matriarchy reaches mi[illegible]

THE MIDDLE GROUND by Margaret Drabble/ Weidenfeld £5.95 pp 248

Victoria Glendinning

KATE is "in the middle years, caught between children and parents, free of neither." She wonders whether her problems make her "a special case," or if she is "a typical woman of our time." Thus the reader is invited to take sides—to oppose or to identify with this new Drabble woman struggling to cross the barriers of age, sex and race (she has an Iraqi lodger, and her daughter goes out with a Rastafarian).

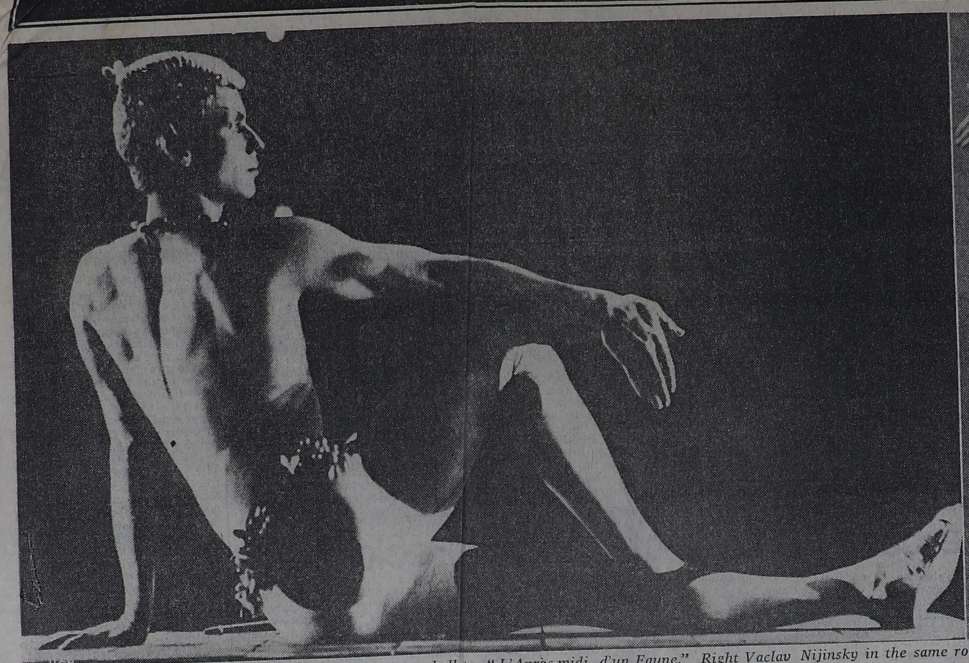
Margaret Drabble is very good on the way early middle age is bogged down, already, by history. Kate takes a trip to the fatty suburb where she grew up, where "recollections just beyond the reach of memory gathered in the distance, took shape as [illegible]" that's our problem . . . we all know too much, and haven't got the brains to process the info."

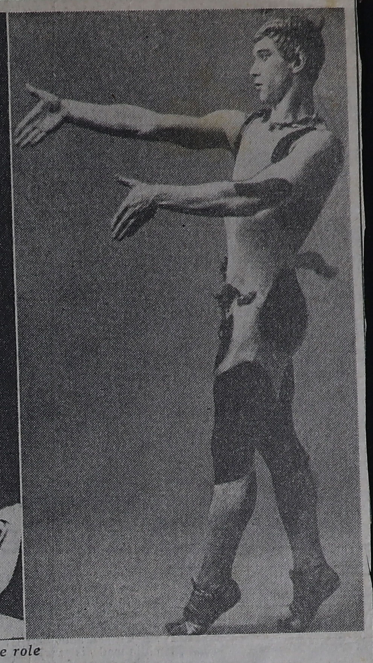
Middle age is upon you, I believe, when the story of your life is too long and ragged to be retailed to a new friend in a single evening—a theory borne out, unhappily, in this novel. The life-histories and family backgrounds of Kate, her friend Hugo, her friend Evelyn and Evelyn's husband Ted (with whom Kate has had an affair) are told at great length and in solemn detail, rather formally; this gives the book a slow old-fashioned air, which is no doubt intentional. There is more background than foreground in **The Middle Ground.**

Kate herself is an impetuous, unorganised, hospitable creature, and a successful journalist. Her lifestyle is classless classy North London: there is a touch of complacency in the depiction of her casual household, her chipped crockery, her ill-assorted but cheerful clothes, her so-affectionate teenage children, her among the crumbs and dustbins and fish heads." Margaret Drabble could not I think use the phrase "angel in the house" without some irony. But Kate's final justification is indeed her fulfilment at the centre of her household,

> feeling as she sat there a sense of immense calm, strength, centrality, as though she were indeed the centre of a circle, in the most old-fashioned of ways, a [illegible]

by an abortion—"the time for children is over," but she is a person for whom maternity has been and is "a primary passion." Her world is littered with superfluous men, and "the new matriarchy does not look good" (which sets up a question mark even over the new-style angel in the house). Men and women, Kate thinks, can never speak the same language, "but are [illegible]





George de la Peña as Nijinsky in one of his most famous ballets, "L'Après-midi d'un Faune." Right Vaclav Nijinsky in the same role

NIJINSKY: TWO YEARS IN THE LIFE OF A LIVING LEGEND

ALAN BRIEN: love among the artists

ON THE pre-1914 Venetian Lido, the bulky middle-aged man, a cockatoo spray of white in his raven hair, moustache and eyebrows arched in identical arrowhead formation, a butch version of Chaplin's M. Verdoux, somehow even in seaside holiday garb suggesting the stuffed shirt of gala evening dress, stares critically at the auditioning waves. His young companion, a gilded sand creature rebukes him for enjoying the spectacle of other boys playing football on the beach. "I wouldn't be human if I didn't," he replies.

They are impresario Diaghilev (Alan Bates) and his dancer-choreographer protegee Nijinsky (George de la Peña) in Herbert Ross's **Nijinsky** (AA: ABC Shaftesbury Ave., Bayswaters Fulham Rd.)—the most notorious, all-male, limelit duo of the century and the Burton-Taylor scandal of their time. Is there life before Death in Venice? Ross and his script-writer Hugh Wheeler are the first Hollywood film-makers to answer, like Diaghilev, "Of course," and present a homosexual relationship as an acceptable choice of love objects — especially in the rococo, hot-house world of international ballet, among the padded luxury suites and ornate opera-house foyers, where male and female alike strive for the nullity of the androgyne.

Alan Bates is actually much less fevered and campy as the boy-struck talent-hunter than in some of his recent portrayals of menopausal husbands while de la Peña as his caged favourite seems only to discover by accident that some men prefer women. The archetypal queen role is left to Alan Badel as Baron de Gunzburg, a funfair mirror image of Diaghilev, who regards his reflection and remarks "half Admiral of the Fleet, half maiden aunt." Later, having prised apart the pair by his malicious gossip, he mutters only "What a bitch I am" with a rueful smile and toss of the head.

The women remain decorative appendages, almost as much in the background as in any macho Western, either nobly supportive like Carla Fracci's prima ballerina, Karsavina, or slyly conspiratorial like Leslie Browne's ballet-groupie Romola de Pulsky. And there is little in Leslie Browne's non-dancing performance to explain how Romola could have been such a dangerous rival for Nijinsky's affections, let alone have married him and devoted herself to keeping him through thirty years of insanity.

"Nijinsky" needs more than a reversal of sex roles, and a lush, plush background suggestive of Proust and soda with a dash of Visconti, to flesh out its two and a bit hours. We are left with barely a hint of Diaghilev as the patron of so many other twentieth-century talents, or with Nijinsky as much more than a precocious, spoilt youth, with a hereditary taint, who begins to go mad on stage in "L'Après-midi d'un Faune." Though it must be said that this sequence, with de la Peña baring his teeth like a beserk nursery animal and becoming increasingly more possessed, is the dramatic, if not balletic, highpoint of the film.

Herbert Ross's directorial style, much given to abrupt cuts against the rhythm of the narrative, or even the dance, does not help. The impression is left of a fascinating subject which proved too challenging for its makers who settle eventually for what is uncomfortably [illegible] an up-stage "[illegible]

See Diaghilev and (right) Alan Bates as Diaghilev

Dame Marie Rambert, now 92, danced in Sacre du Printemps in 1913. She saw 'Nijinsky' last week. This is what she said.

"Diaghilev, not Nijinsky, is the hero of the film, and Alan Bates is superb. The physical likeness is incredible: but more than that, there is a perfect understanding of the character. Diaghilev was impelled to do all the great things that he did, by fate. In the film his feelings, his thinking, his single-minded love of ballet and the creation of art, are extraordinarily clear. Though George de la Peña has a fine technique, he cannot give a true impression of Nijinsky the dancer. This boy is tall. Nijinsky was very small, and very compact. And he was a superb virtuoso—his leaps so high, and landing so light. When Nijinsky created his first ballets in 1912-13, I felt they were masterpieces. The film does not fully convey the impact of Nijinsky's choreography: his movements were so strange and new—the dancers found them difficult. And Nijinsky could not explain. Instead, he never spared himself to show what he wanted. I helped Nijinsky with the rhythms of "Sacre du Printemps," and the rehearsal scene in the film (in which there is someone playing me, but I didn't notice) is accurate. Maria Piltz, the Chosen Maiden, could not understand her solo, and Nijinsky leapt up to dance it for her. I remember the riot in the theatre on the first night exactly as it happened. And though I do not now recall Nijinsky's choreography in detail (I only saw it from the stage), I have never doubted that it was a great work, the product of a tremendous instinct. Nijinsky was a wonderful artist, indeed a genius."

DAVID DOUGILL: the dancer and his art

HERBERT ROSS'S film **Nijinsky** is visually sumptuous—in its settings, and in its luxurious recreation of Bakst's fantastic dresses for the Ballets Russes ("Why don't you just rehearse the costumes?" remarks the disgruntled choreographer Fokine at a stage call of "Le Dieu bleu"). But how authentic is it as a portrait of Nijinsky?

Nijinsky the dancer was a legend: his artistry minutely chronicled, his magnetism infusing every photograph. George de la Peña, the young American dancer who plays Nijinsky, cannot be expected to reincarnate that legend, and Ross wisely deflects most of the attention from Nijinsky's famous dancing roles (usually shown in snippets) to his revolutionary ventures into choreography.

The film confines itself to the years 1912-13 (with some interpolations), when Nijinsky startled the ballet-going public with "L'Après-midi d'un faune," "Jeux" and "Le Sacre du printemps." "Faune," with its stylised eroticism, survived, but Nijinsky's other works have been lost. Kenneth MacMillan has here ingeniously reconstructed "Jeux," Nijinsky's "tennis" ballet, from the few existing photographs and drawings: and the result looks intriguingly plausible. The notorious "Sacre," of course, can only be represented by fragments—Nijinsky struggling to follow Stravinsky's playing, and the dancers struggling to cope with Nijinsky's steps; then the celebrated uproar in the theatre at the premiere. Ross's film does not show that "Sacre" was a masterpiece. Richard Buckle, in his **Nijinsky** (Penguin £2.50) argues most forcibly that it was.

The film acknowledges Ramola Nijinsky's Life of her husband as its source, and advertises itself as a "true story." The veracity of Romola's account of her dogged pursuit of Nijinsky, their sudden marriage, Nijinsky's dismissal by his jealous lover and mentor Diaghilev, and his subsequent insanity, may be (and often has been) questioned. Buckle reveals in a new Introduction to his book written since Romola's death, that she slanted her story deliberately to entice film producers. Not enough for Ross, though: his final scene, in which Romola offers to give up Nijinsky if Diaghilev will take him back, is sheer melodramatic fiction.

JUST a line to say hail and farewell to **Dance Theatre of Harlem**, who last week dashed into Sadler's Wells to fill a breach in the season of American dance. Eddie Shellman and Mel Tomlinson have become the clear leaders in an impressive male team, and the whole troupe excelled in the Hindemith-Balanchine "Four Temperaments."

At the Coliseum the Zürich Ballet are paying their first visit to Britain under the aegis of the Nureyev Festival, and they opened last Tuesday with Nureyev's production of **Don Quixote**. Nicholas Georgiadis is the designer, and his decor for the square of Barcelona with terracotta walls, striped awnings, birdcages and watermelons, sets off the striking costumes in orange, flame and black, and the startling profusion of dances in Act I, which is much the best part of Petipa's rambling old classic.

James Jones and Rudolf Budavary play the silly Don and his squire with refreshing restraint; Alain Debrus makes a spirited toreador; and Floris Alexander is a splendidly virile gypsy in the windmill scene. All the Zürich dancers are polished and lively. Nureyev relishes the suave cockiness of the barber hero, and in his head-scarf in the tavern scene looks just like the Thomas Phillips portrait of Lord Byron in Albanian dress. He dances his big show-pieces with tremendous energy and flair (though these days strain shows disconcertingly in his face). As Kitri, Eva Evdokimova bounds and soars, and oozes seductiveness — a revelation in a ballerina revered for virginal sylphery.

BBC2's **Dance Month** ends tonight with the Kirov Ballet of Leningrad in Petipa's "Raymonda." This work, full-length, is unfamiliar fare, and extraordinarily dreary, with Kolpakova less than scintillating in the title role and scarcely an opportunity for the male dancer. On the home front, "Dance Month" has tried to represent all our main companies, some of which have had little previous exposure on television. Festival Ballet's "La Sylphide" and London Contemporary Dance Theatre in two works of Robert Cohan were rewarding.

And then there was that programme about seven young choreographers working in New York's Soho, called "We make dances" (but which could have been titled "We talk claptrap"). Their work is obviously intensely therapeutic for the participants. One of them, Trisha Brown, remarked ruefully that "many people are not interested in a kind of dance that is not entertaining." She can say that again!

Clive Barnes/New York Notebook

Swamping Nijinsky

One should never judge a sausage by its skin, but there are sure times when packaging offers a slight hint, if not a final statement. Last week a film opened in New York with the following advertising message: "Genius. Madman. Animal. God. Nijinsky."

Well, yes, it is advertizing Herbert Ross's long-awaited film *Nijinsky* and in its starkly emblematic way it does indicate, even in its staccato imagery, a great deal of what is wrong with the movie.

No film has been longer in the making. As little more than a wide-eyed adolescent I recall hearing plans of a film biography of Nijinsky involving either Fred Astaire or Gene Kelly. (I bet Ginger Rogers would have been great at Karsavina.) Then as the years went by the concept appeared to get a little more serious. In those days the idea was to star Rudolf Nureyev and to base the script on Romola Nijinsky's biography of her husband, which, as is now common knowledge, had been largely ghost-written by Arnold Haskell and Lincoln Kirstein.

Any numbers of directors at one time or another were mentioned in connexion with the project; I recall Tony Richardson and Franco Zeffirelli, and the writers made up an equal legion—Edward Albee did one draft script as I remember it, and I believe Harold Pinter once did a treatment.

Now, after all these years of waiting, here it is. Ross and his executive producer Harry Saltzman, together with the co-producers Nora Kaye and Stanley O'Toole, decided not to use Nureyev. The decision was made, it seems, partly on the box-office failure of Nureyev's earlier film, *Valentino* and partly on the feeling that forty-ish Nureyev was now too old for a twentyish Nijinsky. They also rejected the thirtyish Baryshnikov, although interestingly both Nureyev and Baryshnikov still independently nurture dreams of making a Nijinsky film on their own account. This one might make the financial backing rather difficult to obtain.

What Ross and his collaborators appear to have decided is to make Nijinsky into a love triangle, between Nijinsky, Diaghilev and Romola de Pulsky, with the ballet simply—but not so simply—as a background. It was sensible thinking upset only by the almost total banality of Hugh Wheeler's script and the film's obsessive love for itself. It is an attempt at stylized biography by people who, oddly enough, know far too much and care far too much about the subject.

By Hollywood reckoning Ross and Kaye were a double-act virtually destined to give the world *Nijinsky*—he is a distinguished film and stage director and formerly an equally distinguished choreographer, and his wife, one of the great dramatic ballerinas of the century. Unfortunately they are either telling us far too much, or far too little, about the historic details of the story. They love it too much; they are too close.

The characters rush in as if they were on trolleys. There is Fokine, there is Grigoriev, there is Bakst.

Most of the acting is splendid. Ronald Pickup is so good as Stravinsky that one idly wonders whether Robert Craft will ask for royalties; Colin Blakely is delightfully surly as Diaghilev's manservant Vassili; Anton Dolin has fun as Cecchetti; Alan Badel makes an ornately epicene Baron Gunzburg; and perhaps best of all in the supporting cast is Carla Fracci as Karsavina. If at any time during the next 20 years La Fracci decides to retire from ballet she can obviously start afresh in movies—a perfect natural.

Not quite the same is true of George De la Pena as Nijinsky and Leslie Browne as Romola. The 23-year-old De la Pena is one of ballet theatre's most promising dancers, but like Browne, who looked even more gauche, he was completely swamped by the virtuoso performance of Alan Bates as Diaghilev, who aristocratically storms through the film as if he were paying for it on credit.

It is brilliant, by far the best thing Bates has ever done before a camera. Not only does he give some kind of credence to the most ludicrous lines, he looks almost exactly like that famous Bakst painting of Diaghilev with his nurse, and he acts with a knifelike precision that cuts up the screen, often leaving only himself visible.

For Bates's overwhelming presence—to see Leslie Browne trying to play against him in the film's final crucial scene is like watching a Wimbledon champion in a local tennis tournament and could appeal only to sadists—Ross is to blame. Yet the film has virtues, and for these Ross must take credit. They are virtues, moreover, that will give the film an odd classic status.

It has an atmosphere you can eat like *sachertorte*. It is magnificently of its period—the scenery, the costumes, the painter-like photography of Douglas Slocombe never miss a beat. It is a documentary portrait of a period. Then there is the realization of the ballets. These are extraordinary.

In "The Turning Point", probably for the first time, Ross demonstrated that it was possible to project three-dimensional ballet on to a two-dimensional screen. In *Nijinsky* there is far less dance, probably far less than you would expect. Yet it is exquisitely, and I use that word carefully, done.

There are excerpts of ballets by Fokine and Nijinsky himself, most of them well-known and all of them quite remarkably stylish. Time and time again Ross and his dancers catch the precise image of one of those old Nijinsky photographs. Furthermore, with the exception of *L'Apres midi d'un faune*, the visual reproductions by Nicholas Georgiadis of the original ballet designs are almost miraculous.

Even more miraculous is the work of Kenneth Macmillan who, working from photographs, drawings and descriptions, has produced "excerpts" from Nijinsky's lost ballets—*Jeux*, which magically recreates all those photographs and Valentine Hugo drawings, and *Le Sacre du printemps*.

There is an artistic subtlety here, and in the complete film, that cannot simply be dismissed because of a stupid, muddled script, an abrupt ending leaving Nijinsky in the long, sudden death of a straitjacket, and a sentimental Hollywood approach that runs down the film like a backbone of pure jelly.

The Times - Saturday Review March 29. 1980

...emütlichkeit is ... the tourist, at the ... of a coin. For the Viennese it has died with the demise of the Weiner Kaffehaus. They still kiss your hand—if you are female— but you feel you ought to count your fingers afterwards.

The Viennese cling desperately to their titles, their rules and regulations, their monuments and their jobs. *Schlamperei*, the nonchalant breaking of rules by pure carelessness, which recently put a couple of hundred invalid and elderly clients of the meals on wheels service in hospital with food poisoning, is tolerated.

Breaking rules deliberately is not. That is why those 30 demonstrators sitting on the grass in a public park are a test case for Vienna's tolerance of its homegrown dissidents rather than those from the Soviet bloc to whom the city has opened its gates without reserve.

Sue Masterman

suffering a worse decline than those remaining in work? Maintaining benefits in line with the rise in prices would not, after all, imply any real increase.

The Chancellor, of course, declared that "clearly no action we take should be at the expense of the really weak and needy". But will all consciences be salved by seeing their number grow?—and so ensure that they will fall inside the "safety net", in which, admittedly, generous provision has been made? Sir Geoffrey can be acquitted, I am sure, of the baser charges that he has deliberately set out to attack certain sections of the community. But nonetheless, by his political insensitivity, he allows both the Labour Party and the unions to make great play with the notion that all the Conservatives wish to do is gratify some populist urge to punish people seen as deliberate scroungers or wayward strikers.

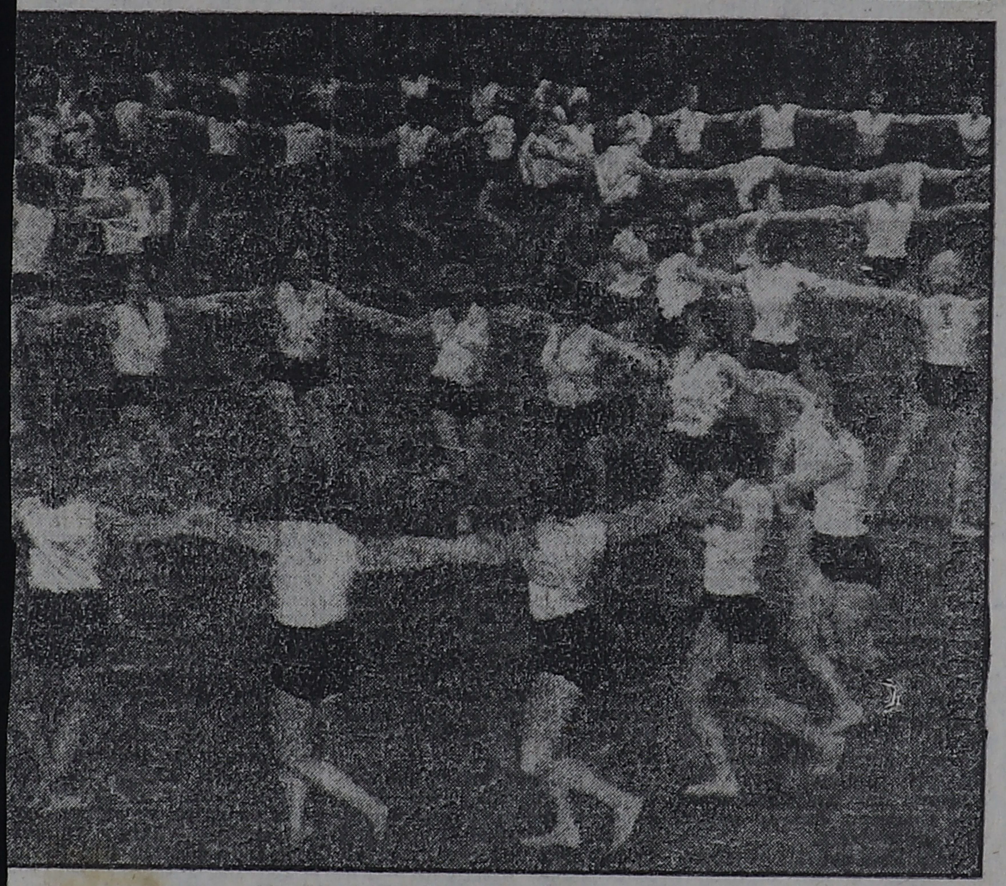
For, on the basic point, if we are to pass through a two-year

that ... deliberatements have been will ask for played down, the

The politi... re.

certainly not the Budget are neglected by going to be Opposition. The Labour divided among them may be what the alternatives ... yes over but they can certain... uld be, enough mischief to make do the measures look even more socially divisive than they are if the Government does not take care.

And there is a real division between the Healey and the Howe approach. Basically it is, as Mr Joel Barnett expounded last week, that the former Labour Treasury Ministers do not believe that public expenditure can go on being cut back the way the Government proposes, especially in the immediate recession that lies ahead. The former Chancellor's argument that the cure will be so rigorous it will prove the "terminal decline" of British industry causes many a shudder behind the Tory smiles.



vision : breathe, leap, think . . .

Casting Nijinsky to the wolves

Nijinsky (AA)
Empire

Herbert Ross's *Nijinsky* might more accurately have been called *Diaghilev*—not only because the dancer flops like an abandoned marionette when the impresario cuts him out of the Ballet Russes, nor because the film argues that Diaghilev invented rather than discovered Nijinsky. *Nijinsky* is a film about Sergei Diaghilev because of the inequality of casting.

Alan Bates plays the hard-headed impresario, the Russian bear of a bully who managed and manipulated talents 10 times his size by a glare or a word or the raising of an eyebrow towards the white flash through his hair. It is a strong, manly performance, far more successful than the similar role, as Bette Midler's cajoling manager, which he played in *The Rose*.

The screenplay then demands a similarly self-willed opponent in Vaslav Nijinsky, a dancer who could wrest his performance from less exciting choreographers and direct his own career. From the photographs of Nijinsky by Baron Adolphe de Mayer, we should expect a strange-shaped, muscular, bold-thighed young man with the gaunt face of a determined devil. Here is a man who can stand up to Daighilev, who can tempt and tease with the promise of seduction, who can do as he likes through the threat of his body.

Herbert Ross has cast George de la Pena as Nijinsky. He is a slight, boyish dancer from the American Ballet Theatre and, set against -Alan Bates, becomes not the powerful opposing force of Nijinsky but the effeminate lush of an unequal homosexual affair. The spine of the film is thus made flimsy and the running battles of will become shadow-boxing.

Another major casting flaw is Leslie Browne as Romola de Pulsky, the fiery Hungarian heiress who determines at an early stage that she shall marry Nijinsky. It is a crucial role, the reason for Diaghilev's spiteful curtailment of Nijinsky's contract, which, according to the screenplay, resulted in the dancer's insanity. She should have appeared a grasping, spoilt bitch.

Leslie Browne is a timid soul who makes Romola's purchased progress through the Ballets Russes appear a sincere and ponderous scaling of the lower heights. She cannot show how a sly, wilful woman inveigled her way between Nijinsky and Diaghilev, nor, in a scene where Diaghilev kills her with kindness, can she hint that, evil, as she is, Nijinsky is now in safer hands.

This poor casting is all the more surprising when it is known how carefully Herbert Ross chose his actors. For instance, over 60 women were auditioned for the part of Romola before he returned to Miss Browne, an actress he had previously used in *The Turning Point*. Ross sees himself as the principal director of ballet on film. He is a former choreographer and his wife, Nora Kaye, the film's co-producer, is a former principal dancer with the New York City Ballet.

Balletomanes had little to thank Herbert Ross for in *The Turning Point*, despite a splendid company of dancers which included Mikhail Baryshnikov. The laboured plot always took precedence over the dancing. Dance sequences were intercut with a close-up of Shirley Maclaine in open-mouthed wonder.

There is only a slight improvement with *Nijinsky*. A conspicuous effort has been made to reproduce the Nijinsky choreography and the Leon Bakst sets and costumes: the Fresian outfit for *L'Aprés Midi d'un Faune*; the rarely seen *Jeux*. But the wonder of the leap through the window in *Le Spectre de la Rose*, where Nijinsky is supposed to have appeared halted in space, is spoilt by miserable slow motion. And in *Scheherezade* the puppet is made to ape one of the film's central images, of the mad Nijinsky, strait-jacketed and helpless in a padded cell.

Lovers of dance will be alternatively overjoyed and infuriated. All the dance sequences, which feature members of the London Festival Ballet, are truncated and intruded upon by reaction shots of a face in the audience or in the wings. Rarely can the choreography be seen from the audience side of the proscenium, as Ross allows the camera to wander around the stage at close quarters, perverting the intended perspective.

And, although the film is a monument to one of the most celebrated and artistically successful homosexual affairs of the century, it is unlikely to please homosexuals. The plot is riddled with the campery and the bitchery of cliché queendom. Alan Badel is encouraged to overplay the precious extravagance of the frustrated patron, Baron de Gunzberg, and the central love affair is portrayed as a classic case of predator and youthful victim.

Nicholas Wapshott

nt of departure for Mrs Cawley

disruptive effect on the programme will give her little chance to rest. But she does weight training every other day, exercises, and pummels away on a stationary bicycle. Inspired by the example of Jack Nicklaus, Mrs King wants to win another big tournament before she quits. Yesterday she had a 6—3, 7—6 win over Anne Smith, of Texas, who had two set points—both against service—in the second set.

Kate Brasher, of Petersham, aged 17, had an admirable 3—6, 6—3, 8—6 win—admirable, that is, in terms of concentration and tenacity—over the bigger and stronger Dana Gilbert, of California, who studied ballet for four years and is no mug at ice skating either. Those who do not know their Brashers—a clan rtnowned for their unflinching attitude to adversity—thought the match was all over when Miss Gilbert, 6—3 and 6—2 up, was serving at 15-love in the next game. But Miss Gilbert had only one more game point in that set—and in the third set much the same thing happened when she was serving for a 5—2 lead. Miss Brasher had to serve for the match three times. But she is a patient girl : not the most gifted of tennis players, but a winner by nature.

Another British winner over three sets was Lesley Charles, whose opponent, Julie Harrington, looks like a throwback to a Busby Berkeley movie. Linda Geeves won the first set 6—3, was serving for a 3—0 lead in the second, but was eventually worn down by Betty Ann Dent, who is big and beautiful and gives tennis balls a very sharp tap indeed. Mrs Dent's husband won his match, too, which must have encouraged a good deal of complimentary banter over dinner. Jane Stratton, better known for her doubles play, won a tough three set match with Diane Desfor.

In the mens singles Mark Cox, who was once beaten by Ramanathan Krishnan at Queen's Club, had to yield to Krishnan's 19-year-only son, Ramesh. The elder Krishnan reached the semi-final round at Wimbledon in 1960 and 1961. Ramesh is much like him in appearance and in the facile assurance of his strokes. Krishnan won 6—7, 7—5, 7—5, 6—1. Cox came within two points of winning the second set and within three points of winning the third. But at the age of 36 those crucial points can be awfully hard to win. In the last five games of the match Cox won only 11 points.

Adriano Panatta beat his rival for Italian supremacy, Corrado Barazzutti by 1—6, 6—3, 6—4, 3—6, 6—1. If Barazzutti was still suffering from shock (this was his first appearance in the second round) he showed so sign of it. Indeed Barazzutti seldom shows much sign of anything except a despairing sadness. Panatta himself—in spite of the arresting quality of his tennis and his court presence—tends to look rather sulky during the heat of battle. But one bizarre incident raised a smile from both of them. As Barazzutti was flinging his racket at a passing hot—a gesture of resignation—he made contact in the nick of time. The ball gently popped over the net. Panatta startled, charged the net, slipped on his back and slid under the net before regaining a perpendicular position in Barazzutti's court.

Panatta came through in the end —his first win over Barazzutti since 1974 except for a match in which Barazzutti had to retire. Panatta, of course, is better equipped to play on grass. The previous day he had taken three hours and 25 minutes to beat Erik van Dillen. Yesterday's match

name over the scoreboard—in other words, sponsorship richer perhaps thanperhaps than any in the history of sport. It is not for lack of offers that Wimbledon has no football ground-style advertising around the centre court or has not been renamed after one of the big companies. To take over the most prestigious sporting event in the world would be the advertising coup of the century.

It will not happen however. Wimbledon seems to run along very nicely on its gate money, and other sources of income,

Yesterday's Wimbledon results

The following results were received too late for inclusion in our first edition yesterday.

Men's singles

First round

R. Krishnan (India) beat W. Scanlon (US), 3—6, 6—4, 6—4, 6—4.
S. Stewart (US) beat P. Rennert (US), 7—6, 6—7, 6—4, 6—3.
A. Jarrett (GB) beat C. Mayotte (US), 7—5, 6—3, 6—7, 6—4.
P. Portes (France) beat V. Winitsky (US), 6—4, 6—4, 3—6, 6—7, 9—7.
J. Kodes (Czechoslovakia) beat A. Giammalva (US), 7—6, 5—7, 6—3, 6—3.
E. C. Drysdale (SA) beat B. M. Bertram (SA), 6—2, 3—6, 3—6, 7—6, 6—4.
C. Lewis (NZ) beat L. Palin (Finland), 6—4, 3—6, 7—5, 5—7, 6—4.
C. Barazzutti (Italy) beat S. E. Davies (US), 5—7, 6—4, 6—2, 6—3.

Womens singles

First round

Miss R. D. Fairbank (SA) beat Mrs T. A. Lewis (US), 6—4, 6—4.
Miss C. Jolissaint (Switzerland) beat Miss N. S. Yeargin (US), 6—2, 6—4.
Mrs B. Teacher (US) beat Miss R. Tomonova (Czechoslovakia), 3—6, 6—3, 6—4.
Miss N. U. Bohm (Sweden) beat Miss I. Budarova (Czechoslovakia), 6—3, 6—4.
Miss D. Desfor (US) beat Miss S. L. Collins (US), 6—3, 6—4.
Miss P. A. Teeguarden (US) beat Miss M. Carillo (US), 6—2, 6—1.
B. Drenett and W. Maher (Australia) level with E. J. van Dillen and V. van Patten (US), 7—6, 6—1, 6—7, 4—6 (unfinished).
A. AMRITRAJ and V. AMRITRAJ (India) beat V. L. Eke and E. W. Ewert (Australia) 6—4, 6—4, 7—6.
S. Ball and R. Case (Australia) lead T. Cain (US) and H. Ismail (Zimbabwe), 6—4, 6—4, 2—2 unfinished.

Men's singles

Second round

B. Taroczy (Hungary beat T. H. Waltke (US), 6—3, 6—2, 6—2.
J. C. Kriek (SA) beat J. R. Austin (US), 6—4, 6—3, 6—1.
R. Krishnan (India) beat M. Cox (GB), 6—7, 7—5, 7—5, 6—1.
O. Parun (NZ) beat P. Portes (France), 7—5, 6—3, 6—4.
P. C. DENT (Australia) beat B. M. Mitton (SA), 7—5, 6—3, 6—3.
J. S. CONNORS (US) beat S. E. Stewart (US), 6—0, 6—2, 6—1.
P. McNamee (Australia) beat R. Vant Hof (US), 6—1, 6—1, 6—3.
A. Panatta (Italy) beat C. Barazzutti (Italy), 1—6, 6—3, 6—4, 3—6, 6—1.

Women's singles

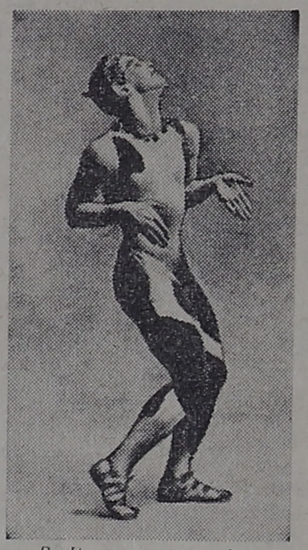
First round

MISS G. R. STEVENS (SA) beat Miss P. G. Smith (US), 6—1, 6—4.
Miss W. E. White (US) beat Miss P. J. Whytcross (Australia), 6—2, 6—3.
MRS R. CAWLEY (Australia) beat Miss J. Walker (Australia), 6—2, 6—2.
Mrs P. C. Dent (US) beat Miss L. Greeves (GB), 3—6, 6—3, 6—1.

ЭХО ПРЕМЬЕРЫ

ДЕВЯТЬ МИНУТ

День никак не располагал к подобному сюжету. Неустойчивая погода июля, столица, разглаживающая последние складки на своих олимпийских одеждах, напрягшийся мир... И вдруг этот получасовой фильм — как стихотворение на черно-белой пленке. Что-то зашевелилось в глубине памяти, мелькнула неясная тень, и явился тот, кто эту тень отбрасывал, совсем еще мальчик с трагической судьбой — Вацлав Нижинский. Что-то окрыленное, какая-то греза. Когда это было и было ли?



В. Нижинский — Фавн

Но аккорд один, штрих — и словно внезапное воспоминание взбередит вам душу.

Нижинский... Казалось бы, мимолетная, короткая вспышка в мировом балете, но все еще доходящий до нас свет. Справочники не могут сговориться даже о дате его рождения, одни называют 1889-й, другие — 1890-й. А в двадцать семь в странной депрессии он покинул сцену. Будто отгорел. Сколько же он танцевал? Каких-нибудь девять-десять лет... И за это время — слава самого поэтичного танцовщика последнего столетия, а может быть, и в истории балета вообще.

...Из глубины автомобиля — старческий голос. Мы не видим того, кому он принадлежит. Не видим и того, кто за рулем. Сквозь ветровое стекло, покрытое каплями дождя, трудно рассмотреть город, по которому едем. Невидимый рассказчик замолкает, вспоминая, вновь говорит, и мы понимаем, наконец, что говорит он о том, что было в этом городе почти семьдесят лет назад.

...Заработали «дворники» на переднем стекле, и с каждым их движением возникало чистое поле обзора и обрисовывался город сладко знакомый, даже если и никогда в нем не был.

Человек вспоминает о Нижинском. Мы едем по дождливому Парижу. Внезапно картина меняется, и вместо современных лимузинов засеменили авто и фиакры 1912 года. Показалось? Нет. (Как, однако, действует эта старая хроника из французской фильмотеки!) И снова сегодняшний Париж...

Такой поэтической строфой начинает режиссер Юрий Альдохин свой фильм «Воспоминание о Нижинском» (Центральная студия научно-популярных фильмов).

Это был третий год знаменитых «русских сезонов», организованных Сергеем Дягилевым. Триумф балетмейстера Михаила Фокина и «звезд» русской Терпсихоры — Анны Павловой, Тамары Карсавиной и, конечно же, Вацлава Нижинского. На третий год Нижинский дебютирует как хореограф, ставит и сам танцует девятиминутный балет «Послеполуденный отдых фавна» на музыку Клода Дебюсси. Эти девять минут взбудоражили театральный Париж, видевший все. В одухотворенном и хрупком теле жил неукротимый дух искателя и непочтительного задиры. Публика онемела от девятиминутного откровения. Тогда Нижинский тут же повторил балет. Мнения разделились. Мы видим на экране полосу газеты «Фигаро», обвинившей Нижинского чуть ли не в нарушении общественной нравственности. Раздались протесты: так нельзя! Секретарь Дягилева Борис Кахно — это ему принадлежит голос там, в машине, — повествует со спокойствием Пимена.

Великий Роден выступает в защиту Нижинского. Он публикует яростную статью против ханжества. Спор разгорается. Следуют уникальные кадры — трудно было даже предположить их существование. Роден в своей мастерской. Неистовый молоток скульптора бьет по резцу. Мраморная глыба обращается в человеческий образ. Нижинский был моделью скульптора, позировал ему.

Бег фотографий танцующего артиста все убыстряется, происходит скачок в нашем зрительском сознании — мы видим танец. Но это лишь техническая иллюзия. Жизнь в воспоминание вдохнут люди. Наши выдающиеся мастера — Владимир Васильев и Наталья Бессмертнова воскрешают пластику Нижинского. С ними проводит на экране репетицию помнящий Нижинского Леонид Мясин, когда-то первый танцовщик труппы Дягилева. И в танце «вполголоса» возникает оригинальность движений Нижинского в Фавне, его танец «в профиль», почерпнутый с рисунков греческих ваз.

Получасовой фильм о девятиминутном исполнении желаний, мимолетное виденье...

Ушли в прошлое страсти, споры, конфликты да и сама житейская и не всегда ясная личность артиста. Но остался МОМЕНТ ИСТИНЫ. Девять минут.

А. СВОБОДИН

но чья любовь прошла давно?

Перевел Борис АВСАРАГОВ

Какимбек САЛЫКОВ

■

Я — за весомость слова. За весомость!
Вот вдумчивой поэзии черты.
Я знаю: в легкомыслии веселом
Сокрыта невесомость пустоты.

Цена стихов не в вычурной находке,
А в весе мысли, в думах о земле...
Плыть по теченью можно и на лодке,
Но против бури — лишь на корабле.

Перевел Владимир ТУРКИН

Аманжол ШАМКЕНОВ

Священная земля

Я пору ту недаром добрым словом
С волненьем вспоминаю и сейчас.
Мой брат перед войной служил во Пскове
И мне писал из армии не раз:
«Не просто по приказу, а с охотой
Я побывал здесь не в одном селе.
И счастлив, что хожу все эти годы
Я по священной пушкинской земле.
Здесь строки благородные, как знамя,
Несут над миром сокровенный свет.
Читай, братишка, Пушкина. Не знаю,
Придет ли в мир еще такой поэт!»
И становился в детстве я богатым,
И радостью во мне сменялась грусть.
В моей семье читали письма брата,
А я запоминал их наизусть.
Я рос, заветной встречи ожидая.
Я рос, покуда брат мой службу нес,
Но вспыхнула вторая мировая —
Домой вернуться брату не пришлось.
Куда, куда от горя было деться?
Я песен не слагал еще тогда.
Но сквозь мое безоблачное детство
Жизнь брата пролетела, как звезда.
Теперь я рос, тому сознанью внемля,
Что грозным днем, что беспощадным днем
Мой старший брат прикрыл собою землю,
Которую мы пушкинской зовем.
За Родину, за русского поэта
Погиб казах на Псковщине в бою.
Теперь я знаю: повлияло это
На жизнь и на профессию мою.
Навеки Пушкин стал моей судьбою
С тех детских дней, с тех отдаленных дней.
Его стихи, как небо голубое,
Меня притягивают все сильней.
И мне светло и чисто в небе этом,
И я, казах, душой тянуться рад
К мечтам и думам русского поэта,
Которого открыл мне старший брат.

Перевел Вл. САВЕЛЬЕВ

20

NIJINSKY

THE FILM *Nijinsky* has a large cast and in order to help the spectator to sort things out we list the following characters, their position in the story and the player who evokes them.

Sergei Diaghilev. Russian nobleman who brought Russian opera and ballet to the West. The Director of the 'Ballet Russe'. Played by Alan Bates.

Vaslav Nijinsky. Trained in the Dancing School of the Russian Imperial ballet, St. Petersburg. Taken up by Diaghilev to become his intimate companion and major attraction of the 'Ballet Russe'. Played by George de la Pena.

Romola De Pulsky. Young Hungarian of aristocratic family who became attached to Diaghilev's ballet company and married Nijinsky. Played by Leslie Browne.

Baron De Gunzburg. Russian financier who assisted Diaghilev from time to time when he was in financial difficulties. Played by Alan Badell.

Tamara Karsavina. Prima ballerina, partnered Nijinsky in the major roles in the original Diaghilev company. Played by Carla Fracci.

Vassili. Diaghilev's faithful man-servant. Played by Colin Blakely.

Igor Stravinsky. Composer of several Diaghilev ballets including *Le Sacré du Printemps, Firebird, Petrushka.* Played by Ronald Pickup.

Leon Bakst. Artist and stage designer. Played by Ronald Lacey.

Sergei Grigoriev. Member of the Diaghilev company and its *regisseur.* Played by Vernon Dobtcheff.

Mikhail Fokine. Russian dancer and brilliant innovative choreographer of such ballets as *Les Sylphides, Carnaval, Scheherazade, Firebird, Le Spectre de la Rose, Petrushka, Daphnis and Chloe.* Played by Jeremy Irons.

Gabriel Astruc. French impresario who staged the 'Ballet Russe' in Paris and whose company eventually went bankrupt. Played by Frederick Jaeger.

Maestro Cecchetti. Dancing master of the Diaghilev company. Played by Anton Dolin.

Emilia Marcus. Celebrated Hungarian actress and the mother of Romola. Played by Janet Suzman.

Lydia Nelidova. Dancer in *L'Aprés midi d'un faune.'* Played by Valerie Aitken.

Adolph Bolm.Principal character dancer of the Diaghilev company. Played by Stephen Chase.

Maria Piltz. Dancer in *Sacré du Printemps.* Played by Monica Mason.

The Marchioness of Ripon. First English supporter of Diaghilev's company. Played by Sian Phillips.

Ludmilla Schollar. Dancer in the ballet, *Jeux.* Played by Genesia Rosato.

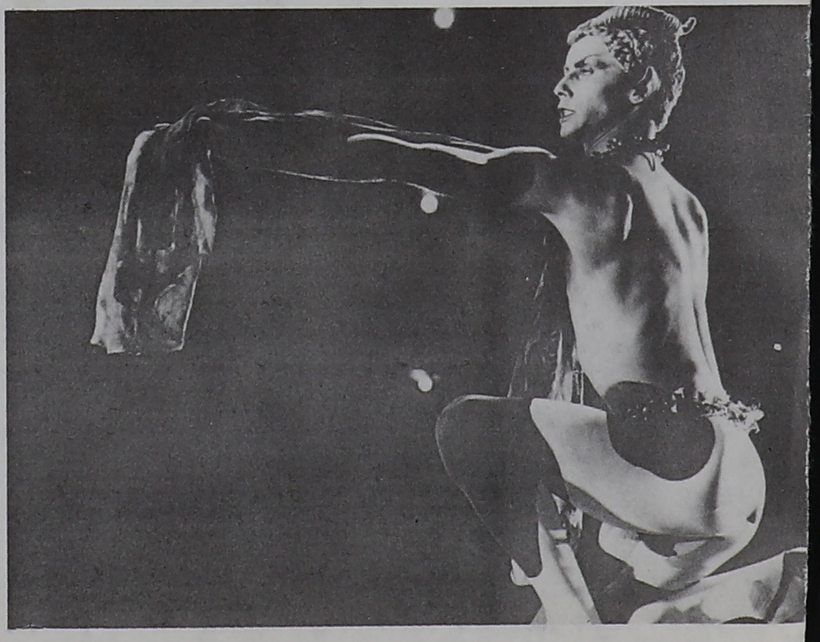
Marie Rambert (born Miriam Ramberg). Russo-Polish dancer who was a member of the Diaghilev company for a short time. Friend of Nijinsky. Later founded the Ballet Rambert in England. Played by Kim Miller.

The Doll in *Petrushka.* Played by Patricia Ruanne. Originally danced by Karsavina.

Original choreography for the ballets *Jeux* and *Sacré du Printemps* by Kenneth MacMillan, principal choreographer of the Royal Ballet. Ballet costumes and scenery by Nicholas Georgiadis after the original designs. Sets for *Scheherazade* and *Spectre de la Rose* after Leon Baskst by Geoffrey Guy.

Nijinsky (George de la Pena) in the ballet 'Le Dieu bleu' (The Blue God) written by Cocteau and Madraso with designs by Bakst and choreography by Fokine. The costume for the film is based on the original Bakst design.

Nijinsky (George de la Pena) as the Faun in 'L'Aprés midi d'un faune'. From Herbert Ross's 'Nijinsky.' C.I.C. release.



arrival of the Americans and the end of the war.

Will you give it a political background?

"That's not the objective of the film. I particularly want to show the relationships between a certain number of people in an exceptional situation. As they are actors they don't experience the period in quite the same way as other people. Of course, feelings, love and friendship come into it as in *La nuit américaine.'*

"The political aspect is bound to be there because of the Occupation and even if I don't make a scrupulous reconstruction of those days I cannot avoid showing German uniforms. As a matter of fact the authorities ruled that 20 seats, every evening, must be reserved in every theatre for members of the German armed forces.

"Susane Schiffman and I had the idea for the film after reading Jean Marais' memoirs as well as other similar books by actors. Every time, the most exciting chapter, for me, was that dealing with the Occupation. I got hold of dozens of books about that period written by actors, theatre managers and journalists as I'd been wanting to make a film about the theatre for a long time and I was also interested in a movie about the days of the Occupation. *Le dernier métro* combines the two."

Truffaut has also wanted to make a film again with the actress who played in his 'La sirene du Mississippi,' *Catherine Deneuve. She plays the main role of Marion Steiner.*

"I thought the part would suit her," says Truffaut. "She rarely plays the part of a person with responsibilities, someone who has to make decisions, settle problems and make choices. From Simone Berriau to Marguerite Jamois, from Yvonne Printemps to Alice Cocea, from Parisys to Mary Morgan, there were many theatre manageresses in Paris during the Occupation who had to face these problems.

"But although responsible she will also be very feminine. I also like her way of seeming to project onto the screen a double life: a visible one and a secret one. You feel she's keeping her thoughts to herself; that her interior life is just as important as her exterior one."

Naturally around Catherine Deneuve will revolve the kind of people who are always to be found in the theatre: Jean Poiret is the producer of the play currently in performance; Andrea Ferreol is the wardrobe mistress and stage designer; Paulette Dubois is Marion's dresser, Maurice Risch is the resourceful stage manager. Gérard Depardieu is an actor trained in the Grand Guignol (a horror style that was popular at the time) and who is on his way to stardom. There is also Jean-Louis Richard as a confirmed collaborator and Sabine Haudepin as a young, ambitious actress.

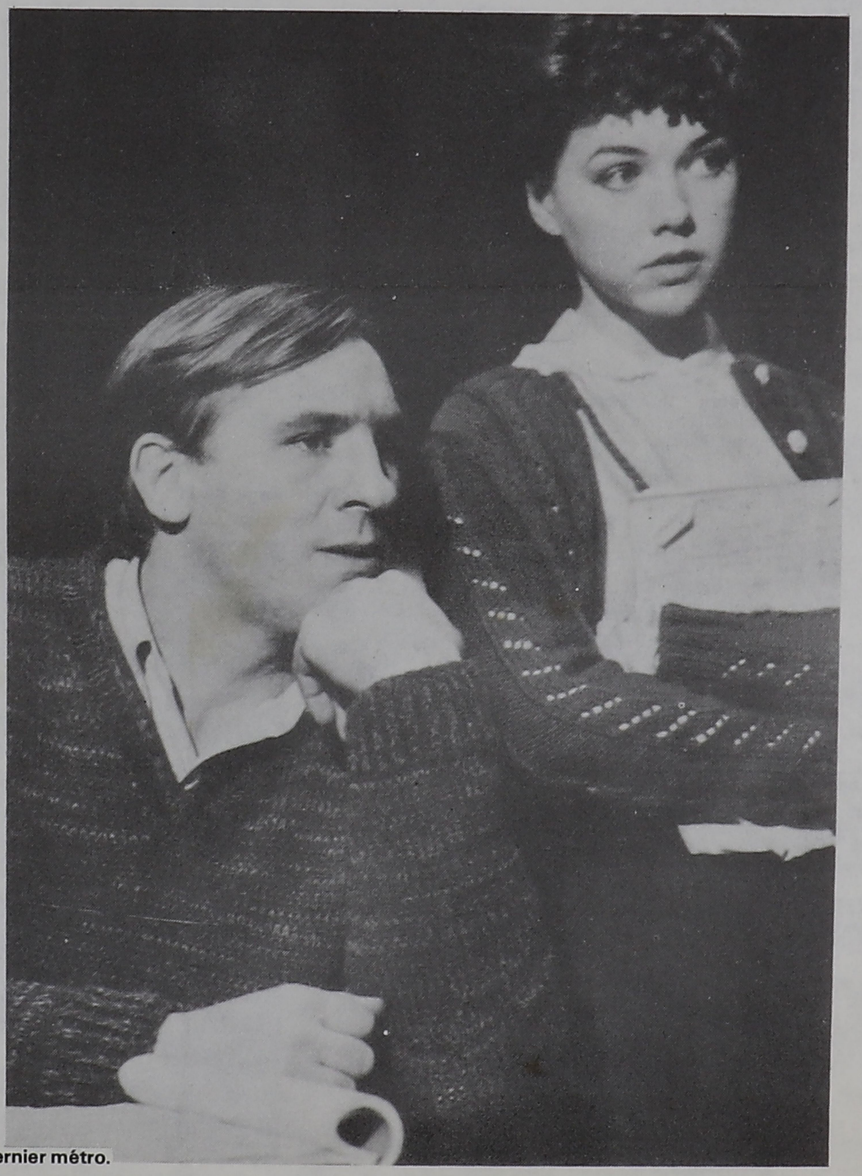
"I gave her her first part when she was a child, in *Jules et Jim,"* Truffaut remembers. "We lost touch with each other but Sabine has now made a name for herself in the theatre and I couldn't resist going to see her backstage after the performance of *The Three Sisters.*

Is it a nostalgic look back at the theatre of 42-45?

"The world was living through a terrible drama but for the artists it was a great period, especially for the theatre. TV didn't exist, people were living in solitude, in the cold, with restrictions and in anguish. The theatre was a rare means of escape for them. Authors and actors vied with each other. In those years the best plays of Sartre, Montherlant, Claudel and Anouilh were produced."

And at the end of the performances everyone tried not to miss the last Underground train home.

"Yes. The shows had to finish in time for audiences to catch the last métro train. The actors gathered in the train and exchanged experiences, opinions and all kinds of news. *Le dernier métro* is a kind of illustration of the slogan: The show must go on."



Gérard Depardieu and Sabine Haudepin in 'Le dernier métro.

Diaghilev (Alan Bates) and Nijinsky (George de la Pena) in the Academia art gallery in Venice, standing in front of Veronese's 'The Marriage of St. Catherine.'
From Herbert Ross's 'Nijinsky'
(C.I.C. release).

Ballet Mistress for the film, Irina Baronova, herself a prima ballerina of Colonel De Basil's Monte Carlo ballet company which occupied much the same place as Diaghilev's company after the Russian impresario had died in Venice in the August of 1929.

Diaghilev and Nijinsky met for the last time in Paris in 1928 when the former felt that for Nijinsky to see his one-time partner, Karsavina, in *Petrushka* might give him the shock which would restore him to his right mind. It was a touching meeting but no such miracle unfortunately occurred. The following year Diaghilev died while staying at the Grand Hotel des Bains de Mer on the Venice Lido, the hotel, incidentally Visconti took over for his film, *Death in Venice.* Nijinsky died in London, April 8th, 1950.

THE BREAK-UP BETWEEN Diaghilev and Nijinsky will always have some elements of mystery, chiefly because the reasons were several and complex.

By the summer of 1913, Diaghilev, Nijinsky and Les Ballets Russes had great triumphs behind them. After the Monte Carlo Season in May, the company had gone to Paris at the Theâtre des Champs Elysées and the new ballets had been *Jeux* (Debussy-Nijinsky-Bakst) and the scandalous *Le Sacré de Printemps.*

* * *

Jeux was received without too much enthusiasm despite the fine score to which Nijinsky had set some interesting choreography partly inspired by paintings of Gauguin and in which he aimed at "a compact, enclosed sculptural form", quite different from the classical extension of isolated movements and attitudes.

But if *Jeux* was quietly received *Le Sacré de Printemps* created an uproar and a scandal. "Not since the reception of *Tannhauser* or Hugo's 'Hernani' had such a first night battle taken place in Paris."

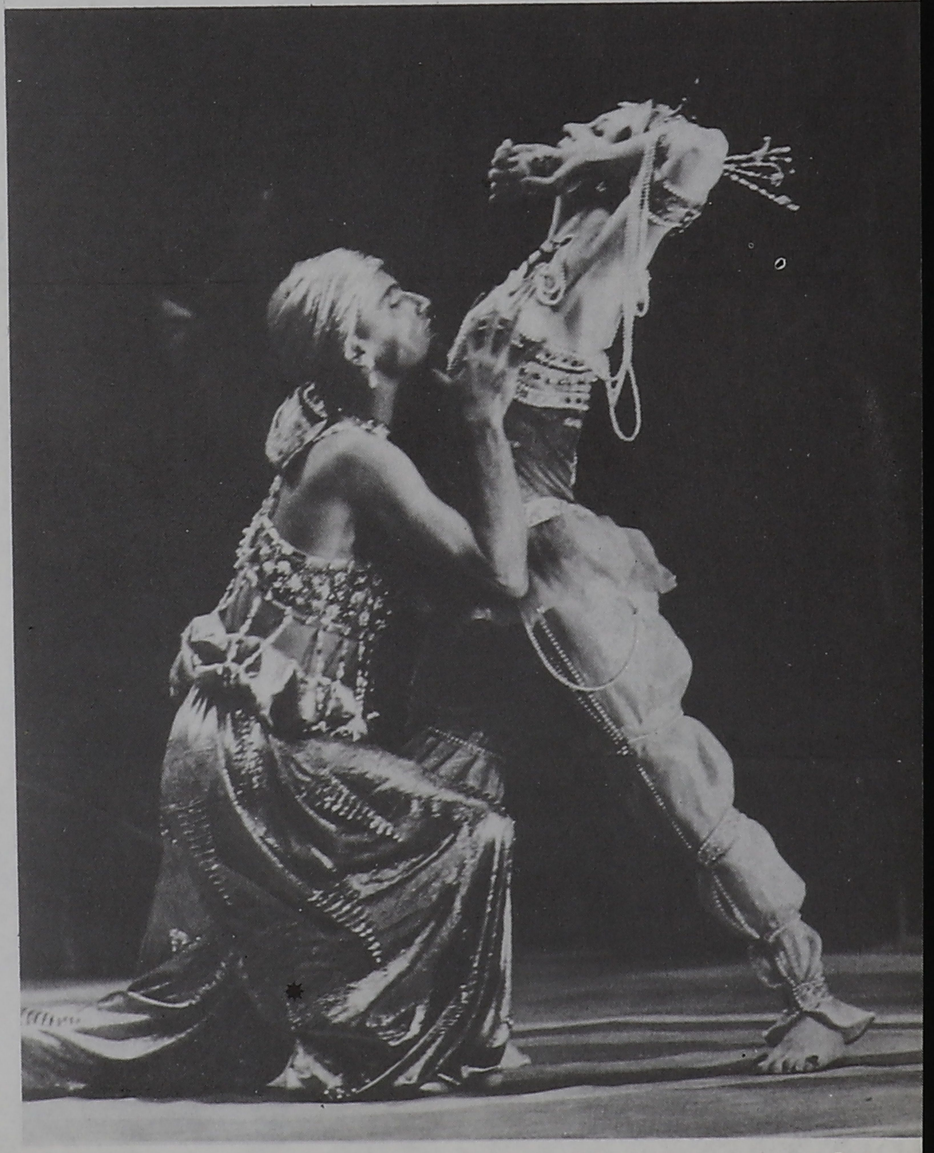
From Paris 'Les Ballets Russes' went to London from where the artist and stage designer, Bakst, reported "a fantastic success".

At the close of the London season there was a fortnight of relaxation before the company set sail for South America.

Diaghilev, Nijinsky and Nouvel went to Baden Baden where they were joined by the artist, Benois. Their preoccupation was with a new ballet based on music by Bach and quite a considerable amount of preparation was done before it was time for Nijinsky to join the liner taking the company to South America at Cherbourg. Diaghilev, who was fearful of the sea voyage, was to spend the time in Venice.

Attached to the company was a young Hungarian dancer, from an aristocratic family, Romola de Pulszky. She had seen 'Les Ballets Russes' in Budapest and had been much attracted to Nijinsky. Following the company to Vienna she had persuaded Diaghilev to allow his dancing master, Cecchetti, to give her dancing lessons.

Continued next page.



'Scheherezade', choreography by Fokine and designs by Bakst. The film costume follows Bakst's original very closely.

SCENES FROM

NIJINSKY

Nijinsky (George de la Pena) falls in love with Romola de Pulsky (Leslie Browne).

Nijinsky (George de la Pena) and Romola (Leslie Browne).

A C.I.C. RELEASE

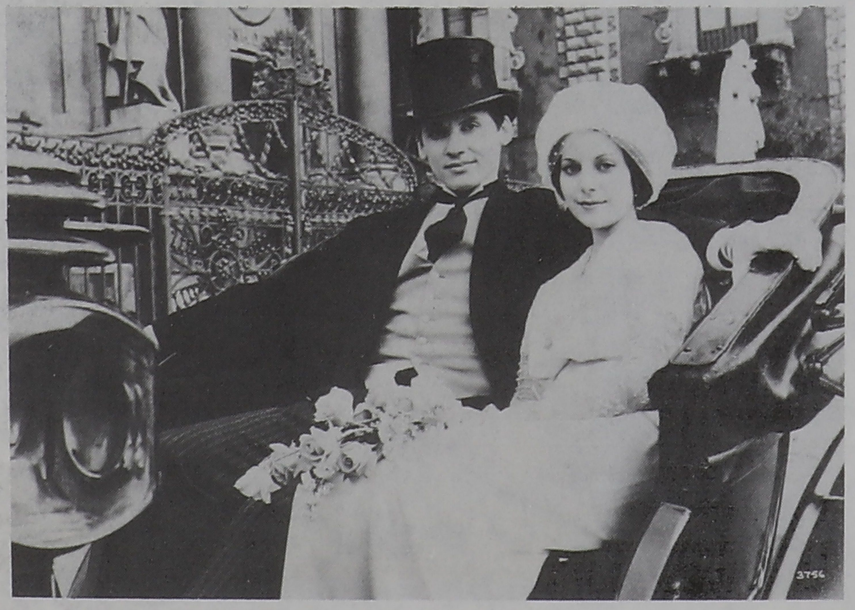
From previous page.

By the time the company set sail for South America in the August of 1913 she was 'attached' to the company and determined to take full advantage of the absence of Diaghilev on the voyage.

She began to watch Nijinsky work on the new Bach ballet and by the time the boat was sailing down the coast of Brazil they were to be seen often in animated conversation on deck. Finally, due to dock in Rio in two days, Nijinsky asked Gunsbourg to ask for Romola's hand in marriage on his behalf. They become engaged.

Few could believe the situation except Baron Dimitri de Gunsbourg who might, for his own reasons (that of setting up a ballet company of his own) not have been averse to the marriage, believing a break to be inevitable between Nijinsky and Diaghilev when the latter was told of the situation.

When Diaghilev, in Venice, *did* learn of the engagement he was torn equally by grief and rage. But as Benois, in a letter, hinted; their (Diaghilev and Nijinsky) romance was coming to an end' and his wounded pride did not keep him from attending to business and commissioning new ballets. He was also, no doubt, assessing Nijinsky's future role in the company and wondering what replacement could be made if he was pushed to find one.



Diaghilev (in St. Petersburg) had a telegram sent (through the regisseur Gregoriev) dismissing Nijinsky from the company.

Nijinsky did not take the dismissal seriously and when the company returned to Europe he believed that he would still be working on the two ballets prepared earlier, one to the music of Bach and another *Joseph,* to the music of Richard Strauss. After visiting his (now pregnant) wife's friends and family in Budapest Nijinsky sent a telegram to Diaghilev about forthcoming rehearsals. Through an intermediary he received a telegram back confirming his dismissal.

The dancer simply could not understand why this situation had arisen and Stravinsky commented: "It seems incredible to me that he was so unaware of the politics and sexual jealousies and motives within the Ballet".

The marriage of Nijinsky and Romola in Buenos Aires.

22

From 'L'Après midi d'un faune', a controversial ballet which Nijinsky choreographed with the dancer seen in profile in the manner of an Egyptian frieze.

The dismissal *may* have been a slighted lover's revenge or a shrewd business move. Despite the fact that Nijinsky had been his star dancer, his new-style choreography had not been very well received either by the public or (with exceptions) by the company. By dropping Nijinsky and taking back Fokine (who had created most of Nijinsky's great roles) he was eschewing financially dubious modernity for the more popular classical tradition.

And in any case Diaghilev had discovered a new companion to be groomed for stardom, a young dancer Leonide Miassine, who would go on to become the great Massine, choreographer of such modern ballet classics as *The Three Cornered Hat, Le Boutique Fantastique.*

Nijinsky, after refusing several offers of appointments, finally organised his own company and signed a contract to appear at the Palace Theatre, London, a 'theatre of varieties'.

Sandwiched in between a clown act and a popular singer, the ballets were only coolly received and when in the third week Nijinsky fell ill the company had to be replaced with variety acts with the resultant expense falling on Nijinsky personally.

The above brief resumé of Nijinsky's rise and tragic fall is exhaustively treated in Richard Buckle's, surely definitive, *Nijinsky,* which is now available as a Penguin. The film differs only occasionally in small detail from the above resumé, the years 1912-13 being seen in flashback.

Continued next page.

Diaghilev (Alan Bates) receives the telegram telling him of Nijinsky's wedding.

A moment in the ballet, 'Jeux', with Nijinsky (George de la Pena) as the tennis player. From Herbert Ross's 'Nijinsky.' (C.I.C.).

NIJINSKY. From previous page.

Director Herbert Ross's film, *Nijinsky,* uses a screenplay by Hugh Wheeler based on the biography *Nijinsky* by the dancer's wife, Romola Nijinsky, and *The Diary of Vaslav Nijinsky.* This suggests, plausibily enough, that by over-favouring Nijinsky and allowing him to create a modern abstract dance style, and point the company truly into the 20th century (Cubism, Expressionism, Futurism were current isms of Paris), Diaghilev had put too much responsibility on Nijinsky. Certainly the dancer never had a moment's worry or concern over financial matters, but the pressure of ballets such as *L'Aprés Midi d'un Fauné, Jeux* and *Le Sacré du Printemps,* so much ahead of their time and with their limited acceptance by the public, might well have undermined Nijinsky's confidence. The fact that Fokine had left (after being provoked over the première of his ballet *Daphnis and Chloe* and after stating unequivocally his opinion of Diaghilev's relationship with Nijinsky) made Nijinsky not only the main dancing attraction but the major choreographer as well.

Petrushka, the Doll and the Moor in 'Petrushka,' music by Stravinsky. From 'Nijinsky.' (C.I.C.).